МАРГАРИТА ФУАРО
ПЯТАЯ
ЖЕНА
СУРОВОГО КНЯЗЯ

Маргарита Фуаро

Пятая Жена Сурового Князя

«Литнет»
2026

Фуаро М.

Пятая Жена Сурового Князя / М. Фуаро — «Литнет», 2026

Я была судебным медиком. Привыкла к мёртвым телам, холодным фактам и чужой лжи.А потом очнулась в теле княжны Милены Черноречской - пятой жены сурового князя Ратибора Волчьего.Первые четыре жены умерли или исчезли. Добраву называли слабой. Рогнеду - гордой. Ладу - беглянкой. Огнеславу - безумной.Но мёртвые женщины не лгут. За них лгут живые.Теперь весь княжий дом ждёт, что я стану следующей жертвой. Лекарь подносит подозрительные настои, волхв говорит о древнем обете, бояре шепчут о проклятии, а сам князь скрывает слишком много.Он опасен, холоден и привык приказывать. Но именно он однажды выпьет яд из моей чаши.Чтобы выжить, мне придётся узнать, кто убивал его жён, почему все молчали - и какую кровь должна назвать пятая жена.Только чем ближе правда, тем страшнее вопрос: я попала в это тело случайно… или Милена сама позвала ту, кто не боится мёртвых?

© Фуаро М., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1 Дышит. Жаль 5
Глава 2 Пир для живой покойницы 10
Глава 3 Дальний терем 17
Глава 4 Имя, которое мне дали 23
Глава 5 Княжна Ясна 29
Глава 6 Мёртвые не лгут 35
Глава 7 Волчий дом 43
Глава 8 Настой для княжны 50
Глава 9 Малая церковь 56
Глава 10 Баня Рогнеды 62
Глава 11 Черноречская кровь 68
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Глава 1 Дышит. Жаль

— Дышит.

Голос был старый, сухой, как сломанная ветка.

Я попыталась открыть глаза, но веки будто приклеили мёдом. В висках стучало. Горло саднило так, словно я всю ночь кричала в дыму. Под спиной было жёстко, холодно, неровно. Не больничная койка. Не каталка. Не пол морга.

Доски.

Я лежала на досках.

— Жаль, — сказала та же женщина.

Это слово подействовало лучше нашатыря.

Я резко вдохнула, закашлялась и наконец разлепила глаза. Надо мной склонилось сморщенное лицо. Маленькие тёмные глаза, платок, туго завязанный под подбородком, тонкие губы. Женщина смотрела на меня без жалости. Как смотрят не на больного человека, а на испорченную вещь, которую придётся чинить.

— Где я? — выдавила я.

Собственный голос оказался чужим.

Тоньше. Мягче. Слабее.

Женщина отшатнулась и перекрестилась странно, неловко, будто сама не верила в пользу этого жеста.

— Очнулась, — бросила она кому-то в сторону. — Зови девку.

Я хотела подняться, но тело не послушалось. Руки дрожали. В груди было тесно, а живот тянуло тупой болью. Я попыталась вспомнить последнее.

Дождь. Мокрый асфальт. Фары. Телефон в руке. Я поздно вышла из отделения, потому что снова задержалась с заключением. Молодая женщина, двадцать семь лет, «несчастный случай», хотя синяки на шее говорили другое. Я стояла у машины, злилась, что всё снова замнут, и думала только об одном: мёртвые не лгут. За них лгут живые.

Потом — свет.

Удар.

И пустота.

Я медленно повернула голову.

Комната была низкой, тёмной, с почерневшими от дыма балками. В углу чадила лучина. По стенам висели сухие травы, пучки каких-то кореньев, грубая ткань. В воздухе стоял запах золы, кислого пота и чего-то горького, лекарственного. Не спирт. Не хлорка. Не больница.

Я дёрнула рукой и замерла.

Рука была не моя.

Тонкое запястье. Бледная кожа. На пальцах — тяжёлые кольца. На предплечье, чуть выше кисти, тянулись красные узоры, будто их вывели краской или кровью: линии, завитки, маленькие волчьи головы.

Я села слишком резко. Мир качнулся. В глазах потемнело.

— Лежи! — прикрикнула старуха. — Опять грохнешься — я тебя второй раз от земли не отскребу.

— Зеркало, — сказала я.

Она нахмурилась.

— Чего?

— Зеркало. Дайте зеркало.

Старуха посмотрела на меня так, будто я попросила скальпель из операционной.

— Гляди, заговорила как юродивая.

Дверь с протяжным скрипом распахнулась. В комнату вбежала девушка лет семнадцати. Круглолицая, испуганная, с растрёпанной косой под платком. В руках она держала деревянную чашу, но, увидев, что я сижу, так и замерла на пороге.

Вода плеснула ей на пальцы.

— Госпожа…

Слово ударило странно.

Госпожа?

Я оглянулась, ожидая увидеть за спиной кого-то ещё. Но девушка смотрела на меня. Именно на меня. С ужасом, с надеждой и с чем-то похожим на сожаление.

— Как меня зовут? — спросила я.

Девушка побледнела.

Старуха зашипела:

— Молчи, Малуша.

Малуша не послушалась. Она шагнула ближе, поставила чашу на лавку и дрожащими руками поправила на мне тяжёлое одеяло.

— Милена, госпожа, — прошептала она. — Вы Милена Черноречская.

Я закрыла глаза.

Нет.

Травма головы. Галлюцинации. Возможно, кома. Возможно, я всё ещё лежу в реанимации, а мозг выдаёт мне какую-то нелепую реконструкцию из фильмов и книг. Бывает. При гипоксии, при тяжёлой ЧМТ, при медикаментозном сне…

Я медленно вдохнула.

Запах дыма был слишком настоящим.

Холод под ногами — тоже.

— Моё имя Александра, — сказала я. — Александра Морозова. Я врач. Мне нужно понять, где я и что со мной произошло.

Малуша икнула от страха.

Старуха медленно отступила к двери.

— Вот оно, — пробормотала она. — Дурная горячка душу выела.

— Какая горячка? — я попыталась говорить спокойнее. — У меня была авария?

— Была у тебя глупость, — отрезала старуха. — Была слабость. Было беспамятство. А теперь рот закрой, коли жить хочешь.

— Кто вы?

— Та, кто не дала тебе окоченеть до княжьего пира.

Княжьего.

Я посмотрела на Малушу. Девушка стояла рядом, вцепившись пальцами в край передника.

— Какого пира?

Она открыла рот, но старуха оказалась быстрее.

— Сегодня князь на тебя глядеть будет. После хвори. После того, как ты три дня между миром живых и навьим краем болталась.

Я опустила взгляд на свою одежду.

На мне была длинная рубаха из грубого льна, поверх — тёплая, но тяжёлая ткань, расшитая красной нитью. На шее лежала гривна — серебряная, холодная, с маленькими звериными головами у застёжки. Украшение было красивым, но ощущалось ошейником.

— Князь? — переспросила я. — Какой князь?

Малуша совсем сжалась.

— Ваш муж, госпожа.

В комнате стало тихо.

Где-то за стеной завыл ветер. Или не ветер.

Я медленно подняла руку к шее, коснулась гривны, потом узоров на запястье. Брачные знаки. Я не знала откуда, но поняла сразу. Слишком много чужих вещей на одном теле. Слишком много символов собственности.

— Я замужем?

Старуха фыркнула.

— Уж пятый день как.

— За кем?

Малуша едва слышно ответила:

— За князем Ратибором Волчьим.

Имя прошло по комнате, как нож по коже. Даже старуха на миг замолчала.

Ратибор Волчий.

Я не знала такого имени. Ни в истории, ни в родословных, ни в учебниках. А знала я достаточно, чтобы понять: это не Киев, не Новгород, не знакомая летопись. Это что-то рядом с настоящим прошлым, но не оно.

Я встала.

Ноги тут же подкосились. Малуша вскрикнула и подхватила меня под локоть. Старуха выругалась, но не помогла.

— К окну, — сказала я.

— Нельзя, госпожа.

— К окну.

Голос сорвался, но в нём было что-то такое, от чего Малуша послушалась.

Она довела меня до узкого оконца, затянутого мутной слюдой или чем-то похожим. Я ладонью отодвинула край ткани и посмотрела наружу.

Сначала я увидела снег.

Серый, тяжёлый, истоптанный. Потом — частокол. Высокие заострённые брёвна, башня с факелом, люди в мехах и кольчугах. У ворот стояли лошади, от их ноздрей валил пар. Дальше, за стеной, темнел лес.

Огромный. Чёрный. Неподвижный.

И оттуда донёсся вой.

Не собачий. Не городской. Настоящий волчий вой, низкий и длинный, будто кто-то протянул по земле холодную струну.

Я отшатнулась от окна.

Реанимация исчезла окончательно.

Не было мониторов. Не было запаха антисептика. Не было белого потолка, медсестёр, капельницы, пластика, телефона, документов, машины, дождя.

Был снег. Частокол. Волки. И чужое тело, которое едва держалось на ногах.

Я сделала то, чего не делала много лет.

Испугалась до тошноты.

Малуша усадила меня обратно на лавку и протянула чашу.

— Выпейте, госпожа. Вам силы нужны.

Я понюхала жидкость. Горькая трава. Кислый настой. Никакой уверенности в составе.

— Что это?

— Для сердца. Ждан Лекарь велел.

Я отставила чашу.

— Не буду.

Старуха прищурилась.

— Велел лекарь — пей.

— Я не пью неизвестные настои.

— Неизвестные, — повторила она с насмешкой. — Слыхала, Малуша? Княгиня у нас теперь учёная.

Княгиня.

Это слово было хуже, чем «госпожа».

Я посмотрела на свои руки. Красные брачные узоры тянулись по коже, как следы от пут. Пальцы были тонкими, почти детскими. На левом запястье синел старый след — будто кто-то недавно держал слишком крепко.

— Что со мной случилось? — спросила я уже тише.

Малуша посмотрела на старуху. Та молчала.

— Говори, — приказала я.

Девушка сглотнула.

— Вы… упали. После того, как вас из молельной привели. Сначала плакали. Потом смеялись. Потом сказали, что не хотите к князю. А ночью жар поднялся. Три дня лежали. Все думали…

Она не договорила.

— Что?

Малуша опустила глаза.

— Что вы не доживёте.

Старуха подняла с лавки тряпицу, сунула её в корзину и направилась к двери.

— Я сказала, что тело крепче, чем видится. А душа… — она оглянулась. — Душа, может, и правда выскочила. Вон какая новая влезла.

Меня передёрнуло.

— Стойте.

Старуха не остановилась.

— Кто вы?

— Варвара. Но тебе, княгиня, лучше звать меня бабкой Варкой. Пока я добрая.

Она вышла, оставив дверь приоткрытой. За дверью послышались шаги, шёпот, скрип половиц. Мир за комнатой жил. Чужой, тёмный, опасный.

Малуша осторожно подошла ближе.

— Госпожа… вы правда ничего не помните?

Я хотела сказать: помню. Помню улицу. Машину. Свой кабинет. Протоколы. Холодные металлические столы. Собственную квартиру, где на подоконнике засох базилик. Помню мать, которой давно не звонила. Помню своё имя.

Но не помню Милену.

Не помню князя.

Не помню свадьбу.

Не помню, почему эта девочка смотрит на меня так, будто я уже мёртвая.

— Расскажи мне, — сказала я. — Всё. С самого начала.

Малуша побледнела ещё сильнее.

— Нельзя.

— Почему?

Она быстро оглянулась на дверь и заговорила почти беззвучно:

— В тереме стены тонкие. А у князя люди везде.

— Тогда коротко. Кто я для них?

Малуша сжала передник.

— Жена.

— Это я уже поняла.

— Пятая жена.

Я замерла.

— Что значит пятая?

Девушка будто пожалела, что сказала. Губы у неё задрожали.

— До вас были… другие.

— Живые?

Она молчала.

И этого молчания хватило.

Внутри меня что-то холодно щёлкнуло. Не страх. Профессиональная привычка. Когда человек не отвечает на прямой вопрос о смерти, он почти всегда знает больше, чем говорит.

— Как они умерли?

Малуша шагнула назад.

— Госпожа, не спрашивайте.

— Как?

— Я не знаю.

— Малуша.

Она вскинула на меня глаза. В них стояли слёзы.

— Первую оплакали. Вторую из воды достали. Третья будто сбежала, да только никто не видел. Четвёртую… — голос сорвался. — Четвёртую в дальний терем отвели.

Я не успела спросить, что это значит.

Снаружи ударили в железо. Один раз. Потом второй. По двору прокатился мужской крик. Где-то залаяли собаки. Малуша вздрогнула и бросилась к сундуку.

— Что это?

— К пиру зовут. Вас одевать надо.

— Я никуда не пойду.

Она резко обернулась. На лице у неё был такой ужас, что я замолчала.

— Если не пойдёте, за вами придут.

Простые слова. Без угрозы. Но от них стало холоднее, чем от снега за окном.

Малуша достала из сундука тяжёлое платье — тёмно-красное, почти кровавое, с серебряной вышивкой по вороту. Провела пальцами по ткани, будто просила у неё прощения.

— Помогите мне понять, — сказала я. — Этот князь… он опасен?

Малуша не ответила сразу. Только подошла, взяла мою руку и начала осторожно стирать с запястья засохшую красную краску.

Но краска не стиралась.

Это была не краска.

— Госпожа, — прошептала она, не поднимая глаз. — Здесь все опасны.

За стеной снова завыл волк.

Я посмотрела на чужие руки, на брачные знаки, на кровавое платье в руках девочки. Хотела проснуться. Хотела открыть глаза в больнице, услышать писк аппарата, ругань медсестры, даже голос заведующего — что угодно, лишь бы не это.

Но лучина трещала. Дым ел глаза. Снег за окном был настоящим.

А я была жива.

Видимо, зря.

Малуша вдруг наклонилась ближе и едва слышно сказала:

— Только вы князю не говорите, что не верите. Первые четыре тоже сначала не верили.

Глава 2 Пир для живой покойницы

Малуша одевала меня так, будто готовила не к пиру, а к казни.

Она не говорила лишнего. Только коротко просила поднять руку, повернуться, потерпеть, не дёргаться. Пальцы у неё дрожали, когда она затягивала на мне пояс. Сначала льняная рубаха. Потом тяжёлое красное платье. Потом широкий пояс с серебряными бляшками. Потом височные кольца, от которых непривычно тянуло кожу у висков.

Я смотрела на всё это как на чужой спектакль.

Тело было слабым. Голова кружилась. Но хуже всего было зеркало.

Вернее, не зеркало — отполированная медная пластина, которую Малуша принесла из сундука и держала передо мной с таким видом, словно показывала покойнице её посмертную маску.

Из мутной меди на меня смотрела незнакомая девушка.

Тонкое лицо. Большие серые глаза. Тёмно-русые волосы, которые Малуша поспешно прятала под головной убор. Бледная кожа. Губы бескровные. На шее — серебряная гривна с волчьими головами.

Красивая.

Слишком хрупкая.

Не я.

Я подняла руку и коснулась щеки. Девушка в меди повторила движение.

— Госпожа, не надо, — шепнула Малуша. — Плат сомнёте.

— Я не узнаю себя.

Она замерла.

— После горячки такое бывает.

Я посмотрела на неё через отражение.

— Ты сама в это веришь?

Малуша опустила глаза.

Ответ был понятен.

Снаружи снова ударили в железо. На этот раз громче. По двору прокатились голоса, топот, лошадиное ржание. В узкое оконце ворвался запах дыма и жареного мяса.

Пир.

Они действительно собирались пировать, пока я пыталась понять, умерла ли окончательно или только наполовину.

— Запомните главное, — быстро заговорила Малуша, подходя ко мне с тёплой накидкой. — В гриднице не смотрите долго на князя, коли он сам не велит. Не говорите первой. Если спросят — отвечайте коротко. Если старшая княгиня посмотрит — склоните голову. Если бояре засмеются — молчите. Если подадут чашу — пригубите.

— А если в чаше яд?

Малуша побелела.

— Не говорите так.

— Почему?

— Потому что у нас за такие слова людей после пира находят в снегу.

Она сказала это просто. Почти буднично.

Я выдохнула.

Хорошо. Значит, правила простые: молчи, кланяйся, пей неизвестное, не задавай вопросов и надейся, что тебя не убьют до утра.

Прекрасный план. Надёжный.

— Малуша.

— Что, госпожа?

— Если я сделаю что-то неправильно, скажи мне сразу.

— Я не всегда смогу.

— Почему?

Она завязала на мне накидку и наконец посмотрела прямо.

— Потому что иногда ошибку видят раньше, чем я успею рот открыть.

Дверь распахнулась без стука.

На пороге стояли двое мужчин в мехах и кожаных поясах. У каждого у бедра висел нож. За их спинами — Варка, всё такая же сухая и недовольная.

— Пора, — сказала она.

Я поднялась.

Ноги почти не слушались. Красное платье тянуло вниз, пояс давил на рёбра, гривна холодила шею. Я сделала шаг и чуть не споткнулась о подол.

Один из мужчин усмехнулся.

Малуша тут же оказалась рядом и поддержала меня под локоть.

— Госпожа ещё слаба.

— Князь велел привести, — ответил мужчина. — Живую.

Слово прозвучало неприятно.

Живую — значит, возможны варианты.

Мы вышли в коридор.

Дом оказался большим, тёмным и тесным. Деревянные стены блестели от копоти. Где-то трещали лучины. Из щелей тянуло холодом. По углам стояли женщины, служки, какие-то девочки с корзинами, старухи в платках. Все замолкали, когда я проходила мимо.

Они смотрели не с любопытством.

С ожиданием.

Так смотрят на больного, про которого уже решили, что он не жилец, но всё равно интересно — дотянет до утра или нет.

Я шла медленно. Старалась не показать, как дрожат колени. Малуша почти неслышно шептала:

— Здесь порог. Осторожно. Теперь вправо. Голову ниже. Не так. Ниже.

— Если я ещё ниже голову опущу, я упаду.

— Лучше упасть, чем гордо пройти мимо старших.

Я едва не рассмеялась. Нервно, глупо, совершенно не к месту.

Смех застрял в горле, когда мы вышли во двор.

Холод ударил в лицо сразу.

После душной комнаты воздух показался ножом. Снег скрипнул под мягкими сапогами. Вокруг поднимались деревянные стены детинца, горели факелы, мелькали люди в мехах и кольчугах. Над крышей гридницы валил дым. Где-то лаяли собаки. Дружинники у ворот обернулись на меня, и один что-то сказал другому. Оба усмехнулись.

Я крепче сжала пальцы.

Не смотреть. Не реагировать. Не выдать страх.

Малуша заметила.

— Госпожа…

— Всё нормально.

— Вы так говорите, будто зубы сжимаете.

— Потому что сжимаю.

Она на миг растерялась, потом вдруг тихо фыркнула. Почти улыбнулась. И сразу снова испугалась собственной улыбки.

Нас подвели к широким дверям.

Изнутри гридницы шёл шум. Мужские голоса. Смех. Звон чаш. Глухой удар ладони по столу. Запах жареного мяса, мёда, дыма, кислой капусты и человеческого тепла. Всё смешалось так плотно, что меня чуть не замутило.

Двери раскрылись.

И все посмотрели на меня.

Я не знала, сколько их было. Много. Слишком много.

Длинные столы. Лавки. Мужчины с бородами, в дорогих кафтанах и грубых воинских рубахах. Женщины вдоль дальней стены — прямые, неподвижные, с закрытыми волосами и внимательными глазами. На стенах — щиты, волчьи шкуры, оружие. В центре горел большой очаг.

Шум стих не сразу. Сначала по залу прошёл шёпот. Потом кто-то тихо усмехнулся. Потом замолчали и дальние столы.

Меня рассматривали.

Не как княгиню.

Как вернувшуюся из могилы.

Я сделала шаг.

Потом второй.

Подол цеплялся за ноги. В висках стучало. Я старалась дышать ровно и не хвататься за Малушу, хотя без неё, возможно, уже лежала бы на полу.

И тогда я увидела его.

Князь сидел во главе гридницы.

Ратибор Волчий.

Он был не таким, каким его рисует воображение, когда слышишь слово «князь». Не молодой красавец с мягкой улыбкой и золотым венцом. Не сказочный правитель.

Опасный человек.

Высокий, широкоплечий, в тёмном сукне и мехе, с серебряной гривной у горла. Волосы тёмные, убранные назад. На скуле — старый шрам. Лицо спокойное, почти каменное. Но это спокойствие не было равнодушием. Оно было силой, которую не надо доказывать.

Люди вокруг него сидели ниже, говорили тише, двигались осторожнее.

Он смотрел на меня.

Не удивлённо.

Не радостно.

Так смотрят на нож, который нашли у себя под подушкой.

Малуша легонько толкнула меня в бок.

Я опомнилась и склонила голову.

Поздно.

По залу пробежал едва слышный смешок.

— Жива, значит, — сказал кто-то за столом.

— Пока, — ответил другой.

Я подняла глаза.

Плохая идея.

Ратибор всё ещё смотрел. И, кажется, заметил не только мой взгляд, но и то, что я поняла шутку.

Рядом с ним сидела женщина в тёмном плате, сухая, прямая, как натянутая тетива. Возраст не сделал её слабее. Скорее наоборот. Она смотрела на меня холодно и внимательно.

Это могла быть только Яромира.

Мать князя.

Вдовая княгиня.

Женщина, перед которой даже мужчины не шумели лишний раз.

Один из дружинников поставил перед князем чашу. Ратибор не взял её.

— Подойди.

Одно слово.

Без крика.

Но в зале стало тише.

Я пошла.

С каждым шагом сердце билось всё сильнее. Не моё сердце. Моё бы уже давно ругалось матом и требовало адреналин. Это билось сердце Милены — быстро, испуганно, как птица в клетке.

Я остановилась в нескольких шагах от князя.

— Ближе.

Малуша за моей спиной почти не дышала.

Я подошла ближе.

Теперь я видела его руки. Большие, сильные, со следами старых шрамов. На правой — перстень с волчьей головой. Рядом лежал нож. Не парадный. Обычный. Рабочий. От этого страшнее.

Ратибор медленно оглядел меня.

— Имя своё помнишь?

Я уже знала, что надо ответить.

Милена.

Сказать: «Помню, княже».

Склонить голову.

Выжить.

Но вопрос прозвучал слишком прямо. А во мне всё ещё было слишком много Александры Морозовой, которая не привыкла подстраиваться под чужие спектакли.

— Какое именно? — спросила я.

В гриднице стало мёртво тихо.

Малуша за спиной едва слышно охнула.

Глаза Ратибора сузились.

— То, которым тебя зовут в моём доме.

Моём доме.

Я заставила себя выдержать паузу.

— Милена Черноречская.

— Чья ты жена?

Слова ударили по нервам.

Я понимала, что это проверка. Не семейный вопрос. Политический. Собственнический. Здесь ответ значил больше, чем казалось.

— Ваша, — сказала я.

По залу прошёл довольный шёпот.

Я добавила:

— Если верить тем, кто успел мне это сообщить.

Шёпот оборвался.

Яромира чуть заметно подняла подбородок.

У Ратибора на лице не дрогнул ни один мускул. Но я увидела, как его пальцы медленно легли на край стола.

— Три дня назад ты не знала, как говорить без слёз, — сказал он. — Сегодня споришь при всём дворе.

Три дня назад здесь была другая женщина.

Настоящая Милена.

Запуганная, сломленная, возможно, умирающая.

А теперь вместо неё стояла я и портила всем привычный ход событий.

— После горячки люди меняются, — сказала я.

— Нет.

Он произнёс это спокойно.

И от этого стало хуже.

— После горячки люди слабеют. Путают слова. Зовут мать. Просят воды. А ты смотришь так, будто считаешь, кто в этом зале врёт.

Я молчала.

Потому что он был слишком близко к правде.

Среди бояр кто-то кашлянул. Женщины у стены не шевелились. Варка стояла у двери и смотрела на меня с каким-то мрачным интересом.

Ратибор наконец взял чашу, но пить не стал.

— Кто послал тебя в мой дом?

— Судя по всему, ваш брак с Черноречьем.

— Не играй словами.

— Тогда задавайте точнее.

Это вырвалось раньше, чем я успела остановиться.

Малуша сзади задышала так, будто сейчас упадёт.

Несколько мужчин поднялись с лавок. Не полностью — только подались вперёд. Будто ждали приказа.

Ратибор поставил чашу на стол.

Тихо.

Но звук почему-то разнёсся по всей гриднице.

— Ты забыла, где стоишь?

Я посмотрела на него. На нож. На людей. На двери, до которых было слишком далеко. На Малушу, которая наверняка пострадает, если я продолжу.

И впервые за этот вечер сделала умный выбор.

Опустила голову.

— Возможно, княже, я забыла многое. Но не настолько, чтобы желать смерти прямо сейчас.

В зале кто-то нервно хмыкнул.

Ратибор долго молчал.

Я чувствовала его взгляд почти кожей. Он не поверил. Ни одному слову. Но почему-то не приказал схватить меня. Не ударил. Не унизил ещё сильнее.

Он думал.

И это было опаснее гнева.

Наконец князь откинулся на спинку резного кресла.

— Слаба ещё.

Я промолчала.

— Глаза чужие. Язык чужой. Память дырявая. А гордости — на целый род.

У стола кто-то усмехнулся, но тут же смолк, когда Ратибор повернул голову.

— Княже, — негромко сказала Яромира.

Одно слово. Но в нём было предупреждение.

Ратибор не посмотрел на мать.

— Эту, — сказал он, и слово полоснуло сильнее, чем если бы он назвал меня по имени, — в дальний терем.

Малуша за моей спиной застыла.

Я подняла голову.

— Что?

Ратибор посмотрел прямо на меня.

— До утра пусть не умрёт.

Несколько человек рассмеялись. Тихо, осторожно, проверяя, можно ли. Яромира не смеялась. Женщины у стены тоже. Варка у двери только поджала губы.

Я должна была испугаться.

И испугалась.

Но вместе со страхом пришло другое — злость. Горячая, живая, почти спасительная. Меня только что привели как вещь, осмотрели как подозрительную лошадь на торгу и отправили туда, где умерла предыдущая жена.

Я сжала пальцы так сильно, что кольца впились в кожу.

— Благодарю за заботу, княже.

Слова вышли ровно.

Слишком ровно.

Ратибор чуть наклонил голову. Впервые в его взгляде мелькнуло нечто похожее на интерес.

— Уведите.

Малуша схватила меня за рукав раньше, чем я успела сказать ещё что-нибудь самоубийственное.

Мы шли обратно через гридницу под взглядами десятков людей. Теперь шум возвращался медленно. Сначала шёпот, потом смешки, потом стук чаш. Пир оживал, будто ничего не случилось.

Только я уже знала: случилось.

Князь понял, что я не Милена.

И я поняла, что он не просто суровый правитель из страшной сказки. Он видел детали. Слишком хорошо видел.

На дворе холод ударил в лицо почти с облегчением.

Я вдохнула полной грудью. Воздух пах снегом, дымом и лошадьми.

Малуша тащила меня прочь от гридницы, почти бегом.

— Медленнее, — сказала я. — Я сейчас упаду.

— Лучше здесь, чем там.

— Дальний терем далеко?

Она не ответила.

Мы прошли вдоль стены, мимо тёмных построек, мимо закрытого колодца, мимо сарая, из которого тянуло сеном. За спиной всё ещё гремел пир. Впереди становилось тише. Факелов было меньше. Снег здесь лежал почти нетронутый.

Узкая дорожка вела к отдельному тёмному дому у внутренней стены.

Он стоял чуть в стороне от остальных, будто его не построили, а сослали.

Окна узкие. Крыша тяжёлая. Дверь чёрная от времени.

Я остановилась.

— Это он?

Малуша кивнула.

— Дальний терем.

Внутри дома не горел свет.

— Почему он пустой?

Девушка не сразу ответила. Потом тихо сказала:

— Потому что туда селят тех, кого нельзя выгнать. И нельзя держать рядом.

Я посмотрела на неё.

— Ты говорила, четвёртую жену отвели сюда.

Малуша побледнела и оглянулась, хотя рядом никого не было.

— Госпожа, прошу…

— Что с ней случилось?

Ветер шевельнул край её платка. Где-то за стеной снова завыл волк. На этот раз ближе.

Малуша подошла к двери, подняла засов, но не открыла сразу. Её рука дрожала.

— Огнеславу привели сюда живой, — прошептала она. — А утром вынесли тихо. Без плача. Без песен. Даже имя потом запретили.

У меня похолодели пальцы.

— И ты ведёшь меня туда?

Она посмотрела на меня с отчаянной беспомощностью.

— Князь велел.

Дверь дальнего терема скрипнула.

Изнутри пахнуло холодом, пылью и старой золой.

Малуша шагнула первой, потом обернулась и прошептала:

— Госпожа… только не спрашивайте ночью, если услышите шаги.

— Чьи шаги?

Она не ответила.

И в этот момент мне впервые по-настоящему захотелось назад.

Не домой. Не в больницу. Не в свою жизнь.

Хотя бы в ту горницу, где старуха сказала: «Дышит. Жаль».

Потому что теперь я начинала понимать, почему ей было жаль.

Глава 3 Дальний терем

В дальнем тереме было холоднее, чем на улице.

Снаружи хотя бы двигался ветер, трещали факелы, слышались голоса с княжьего двора. Здесь же холод стоял неподвижно. Он лежал в углах, прятался между досками, тянулся от стен к ногам, будто дом не был пустым — он просто очень давно перестал ждать живых.

Малуша вошла первой, держа лучину перед собой.

Огонёк дрожал. Свет цеплялся за стены, за низкие балки, за старую лавку у печи, за сундук под окном. Комната была не бедной — нет. На стене висела тканая дорожка, у печи стоял резной стул, на лавке лежала сложенная шкура. Но всё казалось чужим и брошенным. Как вещи человека, которого убрали слишком быстро.

— Здесь вы будете спать, госпожа, — сказала Малуша.

Она старалась говорить ровно, но голос всё равно дрогнул.

Я обернулась к двери.

— А ты?

— Я… рядом. В сенях. Если княгиня позволит.

— Позволит?

Малуша опустила глаза.

— Так положено спрашивать.

Я устало усмехнулась.

— Малуша, если ты уйдёшь, я, кажется, просто не пойму, как здесь выжить до утра.

Она подняла на меня глаза — быстро, недоверчиво. Будто я сказала что-то неправильное, но очень нужное.

— Значит, останусь.

За дверью скрипнул снег. Мужчины, что довели нас сюда, поставили у входа караул. Я услышала глухой голос одного, потом смешок другого. Потом засов лёг в паз.

Снаружи.

Я медленно посмотрела на дверь.

— Нас заперли?

Малуша замерла у печи.

— Для вашей же безопасности.

— Обычно так говорят, когда хотят, чтобы человек не сопротивлялся.

— Госпожа…

— Не надо. Я поняла.

Я подошла к двери и дёрнула.

Тяжёлая. Настоящая. Не декорация. Засов снаружи держал крепко.

В груди снова поднялась паника. Я заставила себя отступить на шаг и вдохнуть. Один раз. Второй. Паника бесполезна. Паника сжигает кислород и мешает думать.

Я была врачом. Судебным медиком. Я умела смотреть на страшное, не отворачиваясь.

Просто раньше страшное лежало на столе.

А теперь стояло вокруг меня стенами.

— Печь можно растопить? — спросила я.

— Можно. Только дымит она.

— Пусть дымит. Хуже уже не будет.

Малуша бросилась к печи, как будто обрадовалась делу, за которое можно спрятаться. Присела, начала ловко складывать щепки, дуть на слабый огонь. Я осталась посреди комнаты и осмотрелась внимательнее.

Дальний терем.

Туда селят тех, кого нельзя выгнать и нельзя держать рядом.

Слова Малуши крутились в голове.

В таких местах всегда остаются следы. Люди могут вымыть пол, сменить ткань, выбросить одежду, запретить имя. Но полностью стереть человека сложно. Особенно если он умирал не тихо.

У стены стоял сундук. Тёмное дерево, железные накладки, замок. На крышке — вырезанные волчьи головы. Я присела рядом, провела пальцами по краю.

Пыль.

Но не везде.

На одной стороне крышки дерево было чище, будто кто-то недавно касался его руками. Ниже, на внутреннем углу, виднелись тонкие царапины. Не узор. Не случайный след. Параллельные линии, неровные, резкие.

Я знала такие следы.

Ногти.

— Малуша.

Девушка обернулась от печи.

— Этот сундук чей?

Она посмотрела на сундук и сразу отвела глаза.

— Был… здесь.

— Чей?

— Не знаю.

— Знаешь.

Малуша молчала.

Огонь в печи наконец занялся, но теплее не стало. Только запахло дымом и старой сажей.

Я провела пальцем по царапинам.

— Огнеславы?

Малуша вздрогнула так, будто я произнесла имя мёртвой прямо ей в ухо.

— Не говорите.

— Почему?

— Нельзя.

— Кто запретил?

Она прикусила губу.

— Все.

Я посмотрела на неё.

Девочка была напугана до прозрачности. Не притворялась, не играла. Она действительно боялась имени женщины, которой больше не было. Значит, имя опасно не для мёртвых. Для живых.

— Хорошо, — сказала я тише. — Не будем вслух.

Малуша кивнула, но к сундуку всё равно не подошла.

Я попыталась открыть крышку. Замок держал. Ключа не было.

— Где ключ?

— У Всеславы, должно быть.

— Кто это?

— Старшая ключница. Она всеми дверями в тереме ведает. И кладовыми. И сундуками.

Отлично.

Значит, если здесь что-то прятали, Всеслава либо знает, либо должна была знать.

Я поднялась. Голова тут же поплыла. Пришлось ухватиться за край лавки.

— Госпожа!

Малуша подбежала ко мне.

— Сядьте. Вы после горячки.

— Я после попадания в кошмар. Это другое.

— Что?

— Ничего.

Она помогла мне сесть у печи. Огонь стал ярче, и комната ожила. Теперь я видела больше.

На балке над лавкой были зарубки.

Пять коротких черт.

Не рядом, а через небольшие промежутки. Как отметки. Как счёт.

Я подняла руку.

— Это что?

Малуша проследила за моим взглядом и побледнела.

— Не знаю.

— Малуша.

— Правда не знаю.

Она знала не всё. Это чувствовалось. Она могла бояться, могла скрывать, но сейчас в её голосе было настоящее незнание.

Я подошла к балке ближе. Первая зарубка старая, почти почерневшая. Вторая чуть ниже. Третья глубже остальных. Четвёртая свежая, но уже затёртая сажей. Пятая…

Пятой не было.

Я прищурилась.

Нет. Была. Только не законченная. Неглубокий надрез, будто кто-то начал резать и не успел.

По коже прошёл холод.

— До меня здесь жили четыре женщины?

Малуша не ответила.

— И четвёртая умерла здесь?

Она сжала руки перед собой.

— Госпожа, я была тогда маленькой служкой при кухне. Я ничего не видела. Только слышала.

— Что?

Малуша посмотрела на дверь.

За ней стояли княжьи люди.

Я подошла к ней ближе и сказала почти беззвучно:

— Что ты слышала?

Её губы задрожали.

— Ночью она стучала. Не громко. Сначала будто просила. Потом… уже слабее. А утром сказали, что княгиня умерла от горячки.

Я медленно выдохнула.

Закрытая дверь. Женщина внутри. Стук ночью. Утром — смерть.

Слишком знакомо.

Слишком просто.

— Кто открыл утром?

— Не знаю.

— Кто нашёл тело?

— Не знаю.

— Кто приказал молчать?

Малуша закрыла глаза.

— Госпожа, прошу вас.

Я замолчала.

Не потому что не хотела знать. Потому что девочка сейчас действительно могла сломаться. А мне нужен был не сломанный свидетель. Мне нужен был живой человек рядом.

— Хорошо. Пока хватит.

Снаружи донёсся глухой смех караульных. Потом один из них кашлянул. Потом снова тишина.

В тереме что-то скрипнуло.

Мы обе обернулись.

Звук шёл не от двери. Не от печи. От пола.

Я медленно посмотрела вниз.

Старые доски. Неровные, тёмные. У сундука одна была чуть светлее остальных. Почти незаметно, если не искать. Но я уже искала.

Я присела. Провела пальцами по щели.

Доска лежала неплотно.

— Малуша, дай нож.

Она испуганно замотала головой.

— У меня нет.

— Шпильку. Что угодно тонкое.

— Зачем?

— Хочу посмотреть.

— Не надо.

— Надо.

Девушка колебалась, потом вытащила из-за пояса маленькую костяную шпильку. Я взяла её и попыталась поддеть доску. Пальцы дрожали от слабости, шпилька соскальзывала. Малуша стояла рядом так, будто ждала, что из-под пола вылезет мертвец.

Доска подалась не сразу.

Потом тихо скрипнула.

Я подняла её на пару пальцев и почувствовала запах.

Пыль. Сухое дерево. И ещё что-то — старое, горьковатое, почти травяное.

В щели лежал маленький свёрток.

Льняная тряпица, перевязанная нитью.

Я достала его.

Малуша зажала рот рукой.

— Госпожа…

— Тихо.

Я положила свёрток на колени и развязала.

Внутри был гребень.

Костяной, тонкой работы, с вырезанными птицами по краю. Один зубец сломан. На спинке — тёмное пятно, въевшееся в кость. Кровь? Старая краска? Настой? Нужно было бы проверить. Не здесь. Не сейчас.

Под гребнем лежала узкая полоска бересты.

Сердце ударило сильнее.

Я развернула её осторожно. Буквы были неровные, выцарапанные чем-то острым. Читать оказалось легче, чем я ожидала, будто память тела Милены сама подставляла смысл под знаки.

«Пятая, не верь тишине. В этом доме женщины кричат после смерти».

Комната будто отодвинулась.

Огонь в печи треснул. Малуша тихо всхлипнула.

Я перечитала строку ещё раз.

Пятая.

Не «кто найдёт». Не «сестра». Не «жена после меня».

Пятая.

Та, кто писала, знала, что будет пятая.

Знала, что я приду сюда.

Или что сюда приведут такую же женщину — запертую, слабую, удобную.

Я перевернула бересту.

На обратной стороне было вырезано одно слово.

Огнеслава.

Имя показалось горячим, хотя береста была холодной.

Малуша отступила к печи и прошептала:

— Матерь светлая…

Я сжала бересту в пальцах.

Страх никуда не делся. Он сидел под рёбрами, холодный и липкий. Но рядом с ним поднималось другое. Знакомое. Чёткое. То самое состояние, когда перед тобой тело, а вокруг все уже решили, что всё понятно.

Упала.

Утонула.

Сгорела от горячки.

Сбежала.

Умерла сама.

Я слишком хорошо знала эти слова. И слишком часто видела, что за ними прячется чужая рука.

— Малуша, — сказала я.

Она подняла на меня мокрые глаза.

— Никому. Ни слова.

— Но если найдут…

— Не найдут.

Я снова завернула гребень и бересту в ткань. Спрятала свёрток под матрас на лавке, потом передумала. Слишком очевидно. Подошла к печи, провела рукой по камням, нашла щель между глиной и стеной. Там было сухо. Сунула свёрток туда.

— Госпожа, — прошептала Малуша. — Зачем вам это?

Я посмотрела на незаконченный пятый надрез на балке.

— Потому что я хочу дожить до утра.

— А потом?

Снаружи опять завыли волки.

Далеко. Протяжно. Будто лес отвечал дому.

Я медленно повернулась к Малуше.

— А потом хочу понять, почему первые четыре не дожили.

Девушка побледнела, но не убежала. Только крепче обхватила себя руками.

В дверь ударили.

Один раз.

Мы обе вздрогнули.

— Княгиня! — крикнул караульный снаружи. — Жива?

Малуша смотрела на меня, не дыша.

Я подошла к двери. Не слишком близко. Так, чтобы голос звучал ровно.

— Передай князю, — сказала я, — что его пятая жена до утра пока не умерла.

За дверью повисла тишина.

Потом караульный хмыкнул.

— Пока?

Я посмотрела на тёмную комнату, на сундук со следами ногтей, на балку с четырьмя зарубками и пятой, начатой для меня.

— Пока, — ответила я.

И впервые с того момента, как очнулась в чужом теле, это слово прозвучало не как приговор.

А как обещание.

Глава 4 Имя, которое мне дали

Утро началось с того, что я забыла, как должна выглядеть замужняя женщина.

Я проснулась от холода и тонкого серого света, пробравшегося в щель у окна. Печь давно погасла. В комнате пахло золой, сыростью и старым деревом. Малуша спала у двери, свернувшись на лавке под тонкой шубкой, и даже во сне держала руку возле пояса — там, где вчера была костяная шпилька.

Караульные за дверью сменились. Я слышала другие голоса. Один кашлял. Второй топал ногами, прогоняя холод.

Я осторожно села.

Тело Милены болело так, будто его долго били, потом бросили в снег, потом снова вернули в постель и велели вести себя прилично. Голова была тяжёлая, но уже не кружилась так сильно. Это радовало.

Меньше радовало другое.

Я всё ещё была здесь.

Дальний терем. Стужин-град. Пятая жена князя Ратибора Волчьего. Женщина, которой кто-то оставил под полом гребень и бересту с предупреждением.

Я посмотрела на балку.

Четыре зарубки. Пятая начатая.

Вчера ночью мне казалось, что я не усну. Что буду сидеть у печи до рассвета, слушать шаги, ждать, когда засов поднимется и в комнату войдёт тот, кто приходил за Огнеславой.

Но тело оказалось слабее страха. Я уснула почти сидя, с мыслью: если утром проснусь, значит, день уже выигран.

Проснулась.

Пока.

Я опустила ноги на пол, встала и сразу пожалела. Пол был ледяной. Я сделала шаг к печи, потом к двери, потом к окну. Хотела отодвинуть ткань и посмотреть наружу, но волосы упали на лицо. Длинные, тёмно-русые, спутанные после сна.

Я машинально собрала их руками и перекинула через плечо.

За спиной раздался сдавленный писк.

Малуша сидела на лавке с круглыми глазами.

— Что? — спросила я.

Она вскочила так резко, что шубка упала на пол.

— Госпожа! Волосы!

— Что волосы?

— Нельзя так!

— Как?

Малуша подлетела ко мне и почти силой потянула к лавке.

— Садитесь. Быстро. Пока никто не вошёл.

— Малуша, у меня не чума на голове.

— Хуже, — прошептала она и стала торопливо собирать мои волосы. — Вы жена князя. Замужняя женщина не ходит с простыми волосами. Только перед мужем. Или в горе. Или когда… когда уже всё равно.

Она не договорила.

Я посмотрела на её руки. Девушка ловко заплетала, укладывала, прятала пряди под ткань. Для неё это было не украшение. Защита. Правило. Граница.

Я вспомнила вчерашний пир, десятки глаз, красное платье и голос Ратибора: «Эту — в дальний терем».

— Получается, если я выйду без платка, все решат, что я либо бесстыжая, либо безумная?

— Или ведьма.

— Отличный выбор.

— Не шутите так.

Она сказала это тихо, но резко. И я замолчала.

Здесь шутки могли стоить слишком дорого. Не мне одной. Ей тоже.

Малуша закрепила головной убор, отступила на шаг и оглядела меня.

— Теперь можно.

— Можно что?

— Дышать.

Я усмехнулась.

Она не улыбнулась.

Потом началось обучение жизни заново.

Нельзя самой открывать дверь, если за дверью мужчина.

Нельзя первой спрашивать у старших женщин.

Нельзя садиться, пока не велят.

Нельзя пить из чужой чаши, но нельзя и отказываться слишком явно.

Нельзя ходить без пояса.

Нельзя называть князя «он», если рядом чужие.

Нельзя говорить «я хочу».

— А что можно? — спросила я минут через десять.

Малуша задумалась.

— Молчать.

— Богатый выбор.

Она покосилась на дверь.

— Госпожа.

— Всё, молчу.

Я продержалась почти полминуты.

— Малуша.

— Да?

— Что ты знаешь обо мне? О Милене.

Девушка сразу стала собирать с лавки вчерашнее платье, хотя оно и так лежало ровно.

— Немного.

— Расскажи немного.

— Вы из Черноречья.

— Это я слышала. Что это за место?

— Южнее. Там река тёмная, берега глинистые. Люди у них богатые, гордые. Ваш род сильный. Боярин Борислав Черноречский вас сюда отдал.

— Отдал?

Малуша сглотнула.

— В жёны.

— Меня спрашивали?

Она посмотрела на меня так, будто вопрос сам по себе был странным.

Я поняла.

Не спрашивали.

— Милена хотела этого брака?

Малуша долго молчала. Потом подошла к сундуку, достала чистую рубаху и тихо сказала:

— Госпожа плакали всю дорогу.

В груди неприятно сжалось.

Не моя боль. Не моя память. Но тело отозвалось — тяжёлым, мутным страхом, будто где-то глубоко оно помнило дорогу, сани, чужие руки, холод, плач, который нельзя остановить.

— Она боялась князя?

— Все боятся князя.

— Не уходи от ответа.

Малуша опустила рубаху на лавку.

— Я не знаю, кого вы больше боялись. Князя или своих.

Я медленно повернулась к ней.

— Своих?

Она сразу пожалела.

— Я лишнее сказала.

— Нет. Ты сказала важное.

— Госпожа, пожалуйста…

— Малуша. Милена боялась кого-то из Черноречья?

Девушка молчала.

За дверью кашлянул караульный.

Мы обе замерли.

Шаги не приблизились. Разговор за дверью продолжился. Я подошла к Малуше ближе и сказала едва слышно:

— Я ничего не помню. Если ты не расскажешь, я могу сделать ошибку. А за мои ошибки, как я понимаю, могут наказать не только меня.

Это подействовало.

Малуша побледнела, но кивнула.

— Был с вами один. Святозар. Сын боярина Борислава. Вы, когда его имя слышали, вся белели. А он улыбался. Всегда улыбался.

— Брат?

— Может, двоюродный. Я не знаю родов ваших. Но он говорил с вами так, будто имел право.

Я запомнила имя.

Святозар.

Человек, которого боялась настоящая Милена.

Ещё одно имя в этом доме, где каждый страх имел владельца.

— Он здесь?

— Не сейчас. Но Черноречские люди должны прийти к князю. Из-за вас. Из-за мира.

— Из-за моего брака.

— Да.

Я подошла к окну и осторожно отодвинула ткань. На дворе уже светало. Снег был истоптан. У ворот стояли двое дружинников. Один поднял голову и посмотрел прямо на окно дальнего терема.

Я отпустила ткань.

— Значит, я не жена. Я печать на договоре.

Малуша нахмурилась.

— Печать?

— Вещь, которой скрепляют чужие решения.

Она ничего не сказала. Значит, я попала точно.

В дверь постучали.

Не грубо, но уверенно. Не как караульный. Как человек, который привык, что ему открывают.

Малуша испуганно расправила на мне плат, проверила пояс, потом бросилась к двери.

— Кто?

— Всеслава.

Имя прозвучало спокойно. Даже мягко. Но Малуша побледнела сильнее, чем при имени князя.

Она быстро отодвинула внутренний засов. Внешний подняли с другой стороны.

Дверь открылась.

На пороге стояла женщина лет сорока. Крепкая, широкая в кости, в тёмной одежде без лишних украшений. Лицо простое, но взгляд такой, что сразу становилось понятно: эта женщина знает, где в доме лежат не только ключи, но и чужие тайны.

На поясе у неё действительно висела связка ключей. Много. Железные, медные, маленькие, большие. Они тихо звякнули, когда она вошла.

— Княгиня проснулась, — сказала Всеслава.

Не вопрос.

Я кивнула.

— Как видите.

Она посмотрела на меня. Сначала на лицо. Потом на плат. На пояс. На руки. На брачные узоры. На лавку, на печь, на сундук. Её взгляд задержался на доске возле сундука.

Совсем ненадолго.

Но я заметила.

И она заметила, что я заметила.

— Ночь прошла тихо? — спросила Всеслава.

Малуша открыла рот, но я ответила первой:

— Если не считать волков.

— Волки за стеной. Они княжьего дома не касаются.

— Повезло им.

Малуша за моей спиной перестала дышать.

Всеслава медленно перевела взгляд на меня.

— После горячки язык часто становится слабым. У вас, гляжу, наоборот.

— Болезнь странная.

— В этом доме странные болезни не любят.

Она подошла к сундуку и провела пальцами по замку.

— Ничего не трогали?

— А должна была?

— Вы здесь гостья.

— Я думала, жена князя.

— Жена князя особенно должна знать, что в доме есть вещи не для её рук.

Она сказала это ровно. Без угрозы. Но угроза была в каждом слове.

Я выдержала её взгляд.

— Мне придётся долго учиться.

— Придётся, — согласилась Всеслава. — Если время будет.

Малуша тихо выдохнула.

Я же почувствовала, как внутри поднимается уже знакомая злость. Здесь все говорили о моей смерти так буднично, будто обсуждали погоду, пироги или ключи от кладовой.

— Вы пришли проверить, жива ли я?

— В том числе.

— И как?

— Живы.

— Разочарованы?

Всеслава не улыбнулась.

— Я давно не разочаровываюсь в том, что всё равно случится.

На этот раз холод пошёл не от стен.

Она подошла ближе. От неё пахло железом, сухой тканью и дымом. Не травами, как от Варки. Не страхом, как от Малуши. Эта женщина пахла порядком.

— Запомните, княгиня, — сказала она тихо. — В дальнем тереме не кричат. Не стучат в дверь по ночам. Не зовут тех, кто не придёт. Не спрашивают о тех, чьи имена убраны из дома.

Я тоже понизила голос:

— А если всё-таки спросят?

Всеслава посмотрела на меня долго.

Очень долго.

— Тогда долго не живут.

Малуша тихо всхлипнула.

Я не отвела взгляд.

— Вы знали Огнеславу?

В комнате будто погас воздух.

Ключи на поясе Всеславы звякнули. Едва слышно. Её лицо не изменилось, но пальцы сжались.

— Малуша, — сказала она, не глядя на девушку. — Выйди.

— Но…

— Выйди.

Малуша посмотрела на меня. Я кивнула. Она медленно вышла за дверь, и засов снаружи не опустился. Видимо, присутствия Всеславы было достаточно вместо замка.

Мы остались вдвоём.

— Вы забыли свои страхи, княгиня, — сказала Всеслава. — Это плохо.

— Может, наоборот.

— Нет. Женщины, которые забывают страх, в княжьем доме быстро вспоминают боль.

Она обошла комнату. Проверила ткань у окна. Доски у печи. Лавку. Не суетилась. Не искала явно. Но я понимала: она осматривает, что изменилось за ночь.

Когда её взгляд снова скользнул к балке с зарубками, я спросила:

— Это вы их сделали?

Всеслава остановилась.

— Что?

— Зарубки.

Она подняла глаза к балке.

Молчание длилось долго.

— Нет.

— Но вы знаете, кто.

— В тереме много старого дерева. На нём много старых следов.

— Это не ответ.

— Это тот ответ, с которым можно прожить дольше.

Она направилась к двери.

Я не удержалась:

— Почему меня поселили именно сюда?

Всеслава взялась за ручку, но не открыла.

— Потому что князь велел.

— А на самом деле?

Она обернулась.

Её взгляд стал другим. Не мягче. Глубже. Будто на миг через ключницу посмотрела женщина, которая слишком много раз видела, как выносят тела.

— На самом деле, княгиня, вас поселили туда, где дом уже привык ждать.

— Чего?

— Конца.

Она открыла дверь.

Малуша стояла за порогом, бледная, с опущенной головой. Всеслава вышла, но у самого выхода остановилась и сказала, не оборачиваясь:

— Огнеслава тоже поначалу много смотрела по углам.

Я замерла.

Всеслава добавила:

— Потом стала смотреть в одну точку.

Ключи тихо звякнули.

Дверь закрылась.

На этот раз засов не опустили сразу. Но свободы от этого не стало больше.

Малуша вошла и посмотрела на меня почти с ужасом.

— Что вы ей сказали?

Я медленно повернулась к балке.

Четыре зарубки. Пятая начатая.

— Слишком мало, — ответила я. — Но, кажется, достаточно, чтобы она поняла: я буду спрашивать дальше.

Глава 5 Княжна Ясна

После ухода Всеславы в дальнем тереме стало ещё тише.

Не спокойнее — именно тише. Будто дом прислушивался, не сказала ли я лишнего. Малуша ходила по комнате на цыпочках, хотя половицы всё равно предательски скрипели. Она принесла жидкую кашу, кусок хлеба и тёплый травяной отвар, на который я посмотрела с таким выражением, что девочка сразу отодвинула чашу.

— Это просто мята, госпожа.

— Просто мята здесь тоже может оказаться последним, что человек выпил.

Малуша побледнела.

— Я сама заваривала.

Тогда я взяла чашу, понюхала, сделала маленький глоток и заставила себя не морщиться. Горьковато, но терпимо. Не яд. По крайней мере, не очевидный.

— Спасибо.

Малуша будто не сразу поняла, что я сказала. Потом кивнула и быстро отвернулась к печи.

Я сидела на лавке, ела кашу и пыталась собрать в голове то, что уже знала.

Меня звали Миленой Черноречской. Я была пятой женой князя. Первые четыре исчезли, умерли или были стёрты из разговоров. Четвёртая, Огнеслава, оставила мне гребень и бересту. Всеслава знала больше, чем говорила. Ратибор видел слишком внимательно. Малуша боялась всех.

Картина была плохая.

Но хотя бы уже картина.

За дверью раздался тихий шорох.

Малуша резко обернулась.

— Это не караульные, — прошептала она.

Шорох повторился. Потом кто-то очень осторожно скребнул по дереву.

Я поднялась.

— Кто там?

Тишина.

Малуша подбежала к двери, прижалась ухом, потом отшатнулась.

— Госпожа, не надо открывать.

— Почему?

— Потому что если бы это было можно, постучали бы громко.

Логично. В этом доме даже стук имел статус.

Но скрежет повторился — тонкий, упрямый. Не мужская рука. Скорее детская.

Я подошла к двери.

— Открой.

— Госпожа…

— Если там убийца, он слишком маленький и не умеет правильно угрожать.

Малуша испуганно перекрестилась, но засов подняла.

Дверь приоткрылась на ладонь. В щель сначала просунулась маленькая рука в меховой рукавичке. Потом круглое бледное лицо. Потом вся девочка, лет семи, в тёмной шубке, с выбившимися из-под платка светлыми прядями.

Она вошла быстро, как мышь, и сама закрыла за собой дверь.

Малуша ахнула:

— Княжна!

Я замерла.

Княжна.

Дочь Ратибора.

Девочка посмотрела на Малушу серьёзно, почти по-взрослому.

— Не кричи. Если услышат, скажу, что ты меня не видела.

— Так не поверят же!

— Тогда скажу, что ты плакала и не могла меня остановить.

Малуша открыла рот, но слов не нашла.

Я невольно улыбнулась.

Девочка перевела взгляд на меня. Улыбка сразу стала неуместной.

Глаза у неё были светлые, внимательные и очень усталые для ребёнка. Дети так не смотрят, если их мир безопасен.

— Ты пятая? — спросила она.

Малуша застонала:

— Княжна Ясна…

— Что? Все так говорят. Только не при ней.

Я опустилась на лавку, чтобы не нависать над девочкой.

— Меня зовут Милена.

Она подумала.

— Раньше ты плакала.

— Раньше я многое делала иначе.

— А теперь не плачешь?

— Пока нет.

Ясна подошла ближе. Не смело, но и не совсем пугливо. Так подходят к собаке, которая может укусить, но очень интересно посмотреть.

— Батюшка сказал, сюда нельзя ходить.

— И ты пришла.

— Потому что если нельзя, значит, там что-то важное.

Я посмотрела на Малушу.

— Умная у вас княжна.

— Очень, — прошептала Малуша. — Оттого всем страшно.

Ясна услышала и нахмурилась.

— Мне не страшно.

Но рука её сжала край шубки.

— Зачем ты пришла? — спросила я.

Девочка посмотрела на балку с зарубками. Потом на сундук. Потом на меня.

— Хотела увидеть, какая ты.

— И какая?

— Не такая.

— Как кто?

Она пожала плечами.

— Как те.

В комнате стало холоднее.

Малуша быстро подошла к печи и принялась поправлять поленья, хотя поправлять там было нечего.

— Ты помнишь прежних жён? — спросила я осторожно.

Ясна задумалась.

— Одну.

— Которую?

— Тихую. Она мне птицу вышила. Потом её увели сюда.

Огнеслава.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

— И что потом?

Ясна посмотрела на дверь.

— Потом бабушка сказала, что о ней не говорят.

Бабушка. Яромира.

Конечно.

Девочка вдруг шагнула ближе и спросила совсем тихо:

— Вы тоже уйдёте?

Я не сразу ответила.

Вопрос был детский. Но попал точно туда, где больно. Потому что я сама не знала, останусь ли. Не знала, хочу ли. Не знала даже, жива ли где-то Александра Морозова или от неё осталось только сознание в чужом теле.

— Не знаю, — честно сказала я.

Ясна кивнула, будто ожидала именно этого.

— Все говорят «нет», а потом уходят. Вы хоть не соврали.

Я хотела что-то ответить, но девочка вдруг покачнулась.

Сначала едва заметно. Потом сильнее.

— Княжна? — Малуша бросилась к ней.

Ясна прижала руку к животу.

— Жарко.

Лицо её побледнело слишком быстро. На лбу выступили капли пота. Губы потеряли цвет.

Я встала резко.

— Что она ела?

Малуша испугалась:

— Не знаю.

— Пила?

Ясна попыталась отмахнуться, но рука дрожала.

— Настой. Ждан велел. Для сна.

— Когда?

— Утром.

— Сколько?

— Чашку.

Я присела перед ней, взяла её за запястье. Пульс частый, неровный. Кожа холодная, влажная. Зрачки расширены. Дыхание сбивчивое.

Не похоже на обычную слабость.

— Малуша, воду. Чистую. Быстро.

— Сейчас.

— И никакого настоя больше. Поняла?

— Да.

Ясна попыталась вырвать руку.

— Не надо. Если узнают, что я здесь…

— Узнают, если ты упадёшь у меня на полу.

— Батюшка рассердится.

— Пусть сначала попробует рассердиться на меня. У него уже хорошо получается.

Девочка слабо моргнула.

— Ты странная.

— Это сейчас не самое страшное.

Я уложила её на лавку и расстегнула ворот шубки. Ясна дышала тяжело. На шее и под подбородком появилась мелкая красная сыпь.

Аллергия? Реакция на траву? Или токсическая смесь?

Без лекарств, без сорбентов, без нормальных инструментов — почти голыми руками.

Прекрасно.

— Малуша!

Она подала ковш.

— Вода из кувшина?

— Да.

— Кипячёная?

Малуша замерла.

— Какая?

Я стиснула зубы.

— Позже объясню. Дай сюда.

Я смочила край чистой ткани, протёрла Ясне лицо, заставила сделать несколько маленьких глотков. Девочка закашлялась, но вода прошла.

— Не давай ей спать, — сказала я Малуше. — Говори с ней.

— О чём?

— О чём угодно.

Малуша наклонилась к девочке:

— Княжна, помните, как вы вчера котёнка в житнице нашли?

— Он не котёнок, — прошептала Ясна. — Он мышелов.

— Вот, мышелов. Очень важный зверь.

Я приподняла рукав девочки. Тонкая детская рука. На внутренней стороне запястья — старый след от привязки или браслета. И свежая маленькая царапина. Неопасная. Но рядом кожа покраснела сильнее.

— Где настой?

— В моей горнице, — прошептала Ясна.

— Кто дал?

— Дуня принесла. Сказала, Ждан велел.

Имя лекаря легло в памяти отдельным камнем.

За дверью послышались быстрые шаги.

Малуша вскочила.

— Услышали!

Дверь распахнулась.

Вошёл мужчина с аккуратной бородой, в тёмной одежде, с кожаной сумкой через плечо. За ним — двое слуг и караульный. Мужчина одним взглядом охватил комнату: я у лавки, Ясна бледная, Малуша с мокрой тряпкой в руках.

Его лицо стало жёстким.

— Что ты делаешь с княжной?

— Помогаю ей дышать.

— Отойди.

— Нет.

Слово вышло слишком быстро.

Мужчина замер. Видимо, он не привык, что женщины говорят ему «нет».

— Я Ждан, княжий лекарь.

— Тогда вы должны были заметить, что ваш настой ей не подходит.

Он побледнел от злости.

— Ты, девка чернореченская, будешь учить меня лечить?

— Если ребёнок после вашего лечения падает в обморок — да.

Малуша закрыла глаза, как человек, который уже мысленно простился с жизнью.

Ждан шагнул ко мне, но Ясна слабо сказала:

— Не кричи.

Он сразу изменился. Наклонился к ней, голос стал мягче:

— Княжна, кто велел тебе идти сюда?

— Никто.

— Она дала тебе что-нибудь?

Я поняла, куда он ведёт.

— Не смейте.

Ждан поднял на меня глаза.

— Что?

— Не смейте говорить, что это я.

— А кто? — холодно спросил он. — Ты была с ней одна.

— При Малуше.

— Служанка скажет то, что велит госпожа.

Я медленно встала.

— У неё сыпь, частый пульс, холодный пот и слабость после настоя, который дали утром. Если вы сейчас потратите время на обвинения, а не на помощь, это будет уже не ошибка. Это будет преступление.

Он не понял всех слов. Но смысл понял.

И возненавидел.

Снаружи раздался такой удар двери о стену, что Малуша вскрикнула.

В комнату вошёл Ратибор.

Не вошёл — ворвался.

Мех на плечах, снег на сапогах, лицо каменное. За ним появился Добрыня Каменный и ещё двое дружинников. В маленькой комнате сразу стало тесно и трудно дышать.

Ратибор увидел Ясну на лавке.

Потом меня рядом с ней.

И всё в нём словно застыло.

— Что здесь было?

Никто не ответил.

Ясна попыталась подняться.

— Батюшка…

— Лежать.

Одно слово. Не громкое. Но девочка тут же замерла.

Ратибор подошёл к лавке. На миг его лицо изменилось. Совсем чуть-чуть. Только глаза. В них мелькнул такой страх, что я почти не успела его заметить.

Потом он снова стал князем.

— Кто привёл её сюда?

— Она сама пришла, — сказала я.

— Я спрашивал не тебя.

— А отвечаю я, потому что остальные боятся.

Добрыня шумно втянул воздух. Ждан отвернулся с выражением человека, который уже видит мою казнь.

Ратибор медленно повернул голову ко мне.

— Ты опять забываешь, где стоишь.

— Нет. В комнате, где ребёнку плохо.

Я показала на чашу с водой.

— Ей нужен покой, вода маленькими глотками и чтобы никто больше не давал ей утренний настой, пока не станет ясно, что в нём было.

— Настой? — Ратибор посмотрел на Ждана.

Тот сразу поклонился.

— Княже, я давал обычное средство для сна. Слабое. Детское. А что здесь делала княгиня Милена с вашей дочерью — надо спросить у неё.

Вот и всё.

Стрела выпущена.

Ратибор шагнул ко мне.

Малуша тихо всхлипнула. Ясна попыталась что-то сказать, но закашлялась. Я удержалась, чтобы не обернуться к ней сразу. Нельзя показывать спину разъярённому князю. Даже если внутри всё требовало вернуться к ребёнку.

— Я не давала ей ничего, кроме воды, — сказала я. — И не трогала бы, если бы она не начала терять сознание.

— Почему я должен тебе верить?

— Не должны. Проверьте настой.

— Ты слишком легко говоришь о проверках для женщины, которую вчера велели не выпускать из дальнего терема.

— Потому что смерть не спрашивает, где кому велели сидеть.

Тишина стала острой.

Ратибор смотрел на меня. Очень близко. Я видела шрам у него на скуле, тёмную щетину, снег, тающий на вороте. От него пахло морозом, кожей и железом.

Он вынул нож.

Малуша ахнула.

Но князь не ударил.

Он резко вонзил нож в край стола рядом с моей рукой. Лезвие вошло в дерево почти без звука.

— Слушай меня, пятая жена, — сказал он тихо. — Если с моей дочерью что-то случится, ты не доживёшь до заката.

Я посмотрела на нож.

Потом на Ясну. Девочка лежала бледная, с закрытыми глазами, но дышала ровнее.

Потом снова на Ратибора.

— Тогда нам обоим выгодно, чтобы она выжила, княже.

Его глаза сузились.

Я положила ладонь на стол рядом с ножом. Пальцы дрожали, но я не убрала руку.

— А теперь либо убейте меня, либо дайте мне помочь вашему ребёнку.

Глава 6 Мёртвые не лгут

Ратибор не убил меня.

Это уже можно было считать удачей.

Он смотрел долго. Так долго, что в комнате успели стихнуть все лишние звуки: Малушино всхлипывание, шорох Ждановой сумки, тяжёлое дыхание Добрыни у двери. Даже огонь в печи будто притих.

Потом князь выдернул нож из стола.

— Помоги.

Одно слово.

Не просьба. Не доверие. Приказ.

Но мне хватило.

— Малуша, воду. Ещё чистую ткань. Ждан, мне нужно увидеть настой.

Лекарь вскинулся:

— Ты мне не указывай.

— Тогда стойте и молитесь, — сказала я, не глядя на него. — Только тише. У неё голова болит.

Добрыня негромко хмыкнул. Ждан покраснел, но Ратибор повернул к нему голову.

— Настой.

Лекарь сжал губы.

— Он в горнице княжны.

— Принести.

Один из дружинников тут же вышел.

Я снова склонилась над Ясной. Девочка была бледная, но дышала уже ровнее. Сыпь не разрасталась. Хорошо. Очень хорошо. Я осторожно коснулась её лба.

— Ясна, слышишь меня?

Она приоткрыла глаза.

— Батюшка сердится?

— Очень.

— На меня?

— Пока на всех сразу. Это удобно.

Губы девочки чуть дрогнули. Почти улыбка.

Ратибор стоял рядом. Он не мешал, но от его присутствия воздух становился тяжелее. Каждое моё движение он запоминал. Как будто потом собирался решать: лекарство это было или колдовство.

Я дала Ясне ещё воды. Маленький глоток. Потом ещё один.

— Не спать, — сказала я. — Смотри на меня.

— Я хочу.

— Знаю. Но нельзя.

— Почему?

— Потому что я сказала.

— Ты говоришь как батюшка.

— Тогда тебе привычно.

Теперь она точно попыталась улыбнуться.

Ждан вернулся к лавке, но держался в стороне. Его раздражение было почти осязаемым. Я видела таких людей и в своём мире: врач, который боится не за пациента, а за собственную

власть над палатой. Ошибка для него страшна не потому, что человек умер. А потому, что кто-то заметил.

Дружинник принёс маленький глиняный кувшин.

Я взяла его, понюхала.

Горький корень. Что-то сладковатое. И ещё запах, от которого в памяти Милены что-то дрогнуло, а моя профессиональная часть насторожилась.

— Что это?

Ждан ответил сухо:

— Сонная трава, мята, медовая вода. Для спокойствия.

— Здесь не только это.

— Ты травы знаешь?

— Достаточно, чтобы понимать: ребёнок после этого не должен холодеть и покрываться сыпью.

— У княжны слабая кровь.

— Удобное объяснение.

Он шагнул ко мне.

— Что ты сказала?

— То, что слышали.

Малуша за моей спиной тихо выдохнула, как человек, который снова увидел пропасть под ногами.

Ратибор вдруг поднял руку. Ждан замолчал.

— Ясна.

Девочка повернула голову к отцу.

Князь присел рядом с лавкой. Неловко. Для такого большого, тяжёлого человека это движение выглядело почти неправильным. Он будто не знал, как быть ниже собственной власти.

— Кто принёс настой?

— Дуня, — прошептала Ясна.

— Кто велел пить?

— Ждан. Но Дуня сказала, что бабушка велела не спорить.

Имя Яромиры повисло между всеми.

Ждан сразу побледнел.

— Княже, княгиня Яромира лишь заботилась о сне ребёнка. Девочка плохо спала после вашего пира и этих… слухов.

— Каких слухов? — спросила я.

Ждан посмотрел на меня с ненавистью.

— Ожившая жена в дальнем тереме — хороший корм для бабьих языков.

— Значит, виновата я, что ребёнку дали сомнительный настой?

— Виновата ты, что вообще оказалась рядом.

— Довольно, — сказал Ратибор.

Тихо.

Но Ждан сразу отступил.

Ясна снова закрыла глаза. Я коснулась её щеки.

— Нет. Смотри на меня. Как зовут твоего кота-мышелова?

— Он не мой.

— Тем более. Как зовут чужого важного зверя?

— Уголёк.

— Почему?

— Чёрный.

— Логично. Умное имя.

— Малуша сказала, надо было назвать Пушком.

— Малуша романтичнее тебя.

— Что такое романтичнее?

— Потом объясню.

Ясна моргнула. Дыхание стало спокойнее. Пульс всё ещё частил, но уже не срывался. Опасность не ушла, но отступила на шаг.

Ратибор это тоже увидел.

Он выпрямился.

— Девочку — в её горницу. Под надзором. Без настоев, пока я не велю.

Ждан открыл рот.

Князь даже не посмотрел на него.

— Без настоев.

— Да, княже.

Двое женщин, прибежавших следом за дружинниками, подняли Ясну. Девочка сонно потянулась ко мне рукой. Я сжала её пальцы на миг.

— Не уходи, — прошептала она.

У меня что-то больно кольнуло под рёбрами.

— Я здесь.

Ратибор услышал.

Я поняла это по тому, как он посмотрел.

Ясну увели. Малуша хотела пойти следом, но Добрыня заслонил дверь плечом.

— Князь не велел.

— Я нужна госпоже.

— Госпоже сейчас князь нужен.

— Ой, — тихо сказала Малуша и тут же зажала рот.

В другой ситуации я бы, возможно, рассмеялась.

Но дверь закрылась.

В комнате остались я, Ратибор, Добрыня у входа и Ждан, который старался быть невидимым, но получалось плохо.

Князь повернулся ко мне.

— Ты.

Я устало посмотрела на него.

— У меня есть имя.

— Вчера было одно. Сегодня ты сама в нём не уверена.

Удар точно в цель.

Я промолчала.

— Добрыня, — сказал князь.

Воевода понял без объяснений. Взял Ждана за плечо и повёл к двери.

— Княже, но…

— Выйди.

Ждан вышел. Очень неохотно. Добрыня остался снаружи. Дверь закрылась, но я не сомневалась: если Ратибор позовёт, она откроется быстрее, чем я успею вдохнуть.

Мы остались вдвоём.

В дальнем тереме снова стало слышно, как трещит печь.

Ратибор подошёл к столу, на котором всё ещё виднелась свежая рана от ножа. Провёл пальцем по надрезу в дереве.

— Кто ты?

Вопрос прозвучал без ярости. И от этого стал опаснее.

— Милена Черноречская.

— Ложь.

Я выдержала его взгляд.

— Тогда зачем спрашиваете, если уже решили?

— Потому что хочу услышать, как ты врёшь.

— Благодарю за доверие.

— Не играй со мной.

Он шагнул ближе.

Я заставила себя не отступить. Хотя тело Милены хотело. Очень хотело. В нём жила память страха перед большими мужскими руками, перед резким голосом, перед дверями, которые закрываются снаружи.

Но я была не только этим телом.

— После горячки люди меняются, — сказала я.

— Повторяешь вчерашнее.

— Потому что это всё ещё удобное объяснение.

— Удобное — не значит верное.

— В вашем доме, как я заметила, верность объяснения никого особенно не тревожит. Главное, чтобы было тихо.

Его лицо стало жёстче.

— Осторожно.

— Я очень стараюсь.

— Нет. Ты стараешься понять, сколько можешь сказать до того, как тебя остановят.

Я замолчала.

Он опять был слишком близко.

Ратибор обошёл стол и остановился напротив меня. Между нами осталась только грубая деревянная поверхность с вонзившейся в неё тенью от ножевого следа.

— Настоящая Милена боялась поднять глаза. Плакала от каждого громкого слова. Не знала трав. Не знала, как держать руку на пульсе. Не спорила с князем в гриднице. Не говорила лекарю, что он дурак, даже когда он им был.

— Последнее было сложно удержать.

Он не улыбнулся.

— Кто научил тебя лечить?

— Люди, которые знали больше Ждана.

— Где?

— Далеко.

— Черноречье?

— Дальше.

— Южные земли?

— Гораздо дальше.

Он смотрел так, будто пытался вытянуть из меня правду силой взгляда.

— Кто послал тебя?

— Никто.

— Милена не стала бы такой сама.

— Возможно, Милене надоело умирать.

Тишина.

Я сама не ожидала, что скажу это.

Слова вышли из меня, но будто принадлежали не только мне. Может, телу. Может, той девушке, которая плакала всю дорогу в Стужин и боялась Святозара больше, чем собственного мужа. Может, она действительно где-то ещё была. Не живая, не мёртвая. И слушала.

Ратибор чуть склонил голову.

— Ты помнишь Святозара?

Я почувствовала, как тело среагировало раньше разума.

Пальцы похолодели.

Вот оно.

Не моя память. Но страх — настоящий.

Ратибор заметил.

Конечно заметил.

— Значит, это имя осталось.

— Я не обязана отвечать.

— В моём доме обязана.

— А если я не ваша?

Он подошёл ещё ближе.

— Гривна на твоей шее говорит обратное.

Я резко коснулась серебра.

Ошейник.

Вчера я подумала это случайно. Сегодня поняла окончательно.

— Железо и серебро не делают человека вашим.

— В этом мире делают.

— Тогда мир плохо устроен.

Ратибор посмотрел на меня почти с усталостью. Впервые. Будто я сказала что-то не дерзкое, а детское.

— Мир не устраивают, Милена. В нём выживают.

— Вы хорошо выжили?

На этот раз я поняла, что перешла грань.

Не по его лицу. По воздуху.

Он стал неподвижным.

— Не спрашивай о том, чего не сможешь удержать.

— Это угроза?

— Совет.

— От человека, который держит меня взаперти?

— От человека, который пока не отдал тебя тем, кто хотел бы узнать, почему его жена проснулась чужой.

Я замерла.

— Кто?

— Все.

Просто. Сухо. Без украшений.

Все.

Яромира. Ждан. Всеслава. Дружина. Черноречье. Волхвы. Слуги. Те, кто смеялся на пиру. Те, кто молчал.

Ратибор наклонился чуть ближе.

— Ты думаешь, я твой главный страх. Ошибаешься. Пока они боятся меня, они не трогают тебя. Пока.

Я ненавидела, что его слова звучали разумно.

— Тогда почему вы меня трогаете?

— Потому что ты принесла опасность к моей дочери.

— Опасность была в её чаше.

— Тихо.

— Нет.

Он стукнул ладонью по столу.

Не сильно. Но я всё равно вздрогнула.

— Ты не понимаешь, о чём говоришь.

— Понимаю. Ребёнку дали настой. После него ей стало плохо. Надо выяснить, кто готовил, кто велел, кто приносил. Это не мистика. Не дурной знак. Не слабая кровь.

— Я сказал: тихо.

— Почему?

Он отвернулся.

Впервые за весь разговор.

И это было признанием.

— Потому что если в княжьем доме травят ребёнка, это не болезнь, — сказала я медленно. — Это заговор.

Ратибор молчал.

— А если заговор есть, значит, у него есть цель. И люди. И тот, кому выгодно, чтобы все называли это слабостью крови.

— Ты не произнесёшь этого за пределами этой комнаты.

— Я должна молчать?

— Да.

— Пока не умрёт кто-то ещё?

Он резко повернулся.

— Думаешь, правда спасает? Правда поднимает роды на роды. Правда открывает ворота врагу. Правда превращает детскую горячку в повод для резни.

— Неправда превращает убийство в привычку.

Его глаза потемнели.

Я услышала собственное дыхание. Слишком громкое. Слишком частое.

Но отступать уже было нельзя.

— В моём мире, — сказала я тише, — я видела, как люди прячут смерть за удобными словами. Несчастный случай. Болезнь. Сама виновата. Упала. Утонула. Сошла с ума. Слишком слабая. Слишком громкая. Слишком неудобная.

Ратибор не перебивал.

— А потом тело всё равно рассказывало правду. Синяк не появлялся сам. Яд не лился в рот без руки. Дверь не запиралась без ключа.

Он смотрел на меня уже иначе.

Не мягче. Нет.

Осторожнее.

— Что ты сказала?

Я поняла, что выдала слишком многое. Но слово уже ушло.

— Мёртвые не лгут, княже, — сказала я. — За них лгут живые.

Тишина стала тяжёлой.

Где-то снаружи хлопнула дверь. Далеко. Во дворе крикнули лошадь. Потом снова всё стихло.

Ратибор стоял очень прямо, но лицо его изменилось. На один короткий миг в нём мелькнула боль. Не злость. Не подозрение.

Боль.

Такая быстрая, что другой мог бы не заметить.

Я заметила.

Он подошёл ко мне почти вплотную.

— В этом доме, — сказал он низко, — мёртвые должны молчать.

— Потому что так удобнее живым?

— Потому что одно имя может стоить сотни жизней.

— Или потому что одно имя может назвать убийцу.

Его рука резко поднялась.

Я не успела отшатнуться.

Но он не ударил.

Он только коснулся пальцами моей гривны. Холодное серебро чуть сдвинулось на коже. Жест был почти невесомым, но власти в нём было больше, чем в крике.

— Ты не знаешь, что носишь.

— Объясните.

— Не сегодня.

— Конечно. Здесь вообще никто ничего не объясняет. Только запрещает.

— Запреты сохраняют жизнь.

— Первым четырём тоже сохранили?

И вот теперь я увидела настоящий гнев.

Не вспышку. Не шум.

Лёд.

Ратибор отпустил гривну.

— Не произноси имён моих жён.

— Я не называла имён.

— Не приближайся к ним даже мыслью.

— Почему?

— Не знаешь, какая кровь за ними стоит.

Он отошёл к двери и ударил кулаком в створку. Снаружи тут же отозвались шаги.

Перед тем как выйти, он обернулся.

— Ясну ты увидишь только с моего дозволения. Настои ей больше не дадут без моего слова. Ждана я спрошу сам.

Это было почти признание моей правоты.

Почти.

— А меня? — спросила я.

— Тебя?

— Вы тоже спросите сами?

Он посмотрел на меня долго. Опять так, будто перед ним не женщина, а загадка с острыми краями.

— Уже спрашиваю.

Дверь открылась. Вошёл Добрыня.

Ратибор вышел, но на пороге остановился.

— И ещё, Милена.

Я подняла голову.

Он впервые произнёс это имя так, будто проверял его на вкус.

— Пока ты в моём доме, не забывай: иногда живые лгут не потому, что хотят скрыть убийцу.

Пауза.

— А потому что боятся разбудить то, что хуже убийцы.

Дверь закрылась.

Засов лёг снаружи.

Я осталась одна посреди дальнего терема. С холодной гривной на шее, с чужим именем и с новым знанием, от которого было не легче, а страшнее.

Ратибор не поверил мне.

Но и Ждану он больше не верил полностью.

А значит, в этом доме что-то уже сдвинулось.

Пусть на волосок.
Пусть опасно.
Но мёртвые, кажется, начали говорить.

Глава 7 Волчий дом

За мной пришли после полудня.

Не дружинники. Женщины.

Это оказалось хуже.

Дружинников хотя бы было видно сразу: меч, сапоги, тяжёлый взгляд, приказ. А эти вошли тихо. Две служанки в тёмных платках и одна женщина постарше, с тонким лицом и сухими губами. Она не представилась, только оглядела меня так, будто проверяла, не развалюсь ли я по дороге.

— Княгиня Яромира зовёт.

Малуша, сидевшая у печи, выронила полено.

— Сейчас?

— Сейчас.

Женщина сказала это без нажима. И всё равно стало ясно: отказаться нельзя.

Я поднялась. После утреннего приступа Ясны и разговора с Ратибором сил почти не осталось. Но слабость в этом доме была роскошью. Её сразу замечали. А потом решали, как использовать.

— Зачем? — спросила я.

Женщина чуть приподняла брови.

— Княгиня зовёт не затем, чтобы объясняться.

Малуша метнулась ко мне, поправила плат, подтянула пояс, спрятала выбившуюся прядь у виска.

— Голову ниже, — прошептала она. — Только не спорьте с ней.

— Ты это говоришь каждый раз перед встречей с кем-то новым.

— Потому что вы каждый раз спорите.

— Несправедливо.

Малуша посмотрела на меня так, что я поняла: справедливо.

Мы вышли из дальнего терема. На этот раз дверь открыли без скрипа, но засов снаружи всё равно поднял караульный. Я поймала себя на том, что уже узнаю этот звук. Железо по дереву. Короткий стук. Маленькое напоминание: твоя свобода зависит от чужой руки.

На дворе было светлее, чем утром, но теплее не стало. Снег под ногами слежался, небо висело низко, серое, как мокрое полотно. У стен тренировались дружинники. Звон мечей ударял по воздуху. Несколько мужчин обернулись, когда меня повели мимо, но быстро отвернулись: видимо, после приказа Ратибора смотреть на пятую жену слишком жадно стало опасно.

И всё же я чувствовала их взгляды спиной.

Главный терем стоял ближе к гриднице. Выше, шире, богаче. На крыльце — резные столбы с волчьими мордами, под крышей — пучки сухих трав и красные ленты. Не украшение. Знак. Оберег. Предупреждение.

Внутри пахло теплее: хлебом, дымом, шерстью, воском, сушёными яблоками. Но от этого спокойнее не стало. Здесь было слишком много людей и слишком мало случайных движений.

Женщины сидели вдоль стен. Кто-то вышивал. Кто-то перебирал шерсть. Кто-то кормил ребёнка. Но стоило мне войти, как все руки замедлились.

Не остановились.

Именно замедлились.

Как у хищников, которые ещё не решили, нападать или ждать.

Малуша осталась у порога. Меня повели дальше — в горницу за тяжёлой тканой завесой.

Там сидела Яромира.

Если Ратибор был камнем, обтянутым железом, то его мать была камнем, обтянутым княжьим платом.

Высокая, сухая, с прямой спиной. Серебристые волосы полностью скрыты под тёмным головным убором. На руках — тяжёлые перстни. На лице — ни усталости, ни доброты, ни раздражения. Только порядок.

Рядом с ней стояла Всеслава.

Ключи на её поясе тихо звякнули, когда я вошла.

Вот и совет женской власти.

Одна держит род.

Другая — двери.

— Подойди, — сказала Яромира.

Я подошла и поклонилась. Не слишком низко, но и не так упрямо, как вчера. Малуша бы гордилась.

Яромира заметила.

— Учишься.

— Стараюсь не умереть от незнания.

Всеслава чуть опустила глаза. То ли чтобы скрыть усмешку, то ли чтобы не смотреть, как меня сейчас сотрут в порошок.

Яромира не улыбнулась.

— В этом доме умирают не от незнания. От гордости.

— Иногда от настоев.

Воздух в горнице стал плотнее.

Всеслава подняла на меня взгляд.

Яромира медленно поставила на стол маленькую чашу. В ней был тёмный напиток. Я даже смотреть на него не хотела.

— Ты слишком быстро решила, что понимаешь наш дом.

— Я решила только, что ребёнку стало плохо после лекарства.

— Ясна слаба с рождения.

— Слабость не появляется строго после чаши.

— Ты лекарь?

— Нет.

— Тогда зачем говоришь как лекарь?

Хороший вопрос.

Плохое место для честного ответа.

Я опустила глаза на свои руки. На красные брачные узоры, которые всё ещё не сошли с кожи.

— В моём роде женщин учили смотреть за больными.

— В Черноречье женщин учили другому.

Я подняла взгляд.

Вот оно.

Она проверяла меня. Не только как пятую жену. Как Милену.

— Возможно, меня плохо учили.

— Возможно, ты плохо помнишь, кому принадлежишь.

Слово ударило тихо, но точно.

Кому принадлежишь.

Ратибор говорил похожее, только грубее. У Яромиры это звучало не как угроза мужчины. Как закон, который пережил многих мужчин.

— Я принадлежу себе, — сказала я прежде, чем успела остановиться.

Всеслава тихо вдохнула.

Яромира посмотрела на меня почти с любопытством.

— Нет.

Одно слово. Без злости.

— Здесь женщина принадлежит роду, в котором родилась. Мужу, которому отдана. Детям, которых должна родить. Дому, чей плат носит. Мёртвым, чьё место заняла. Себе она принадлежит ночью, когда никто не видит. И то не всегда.

Мне захотелось возразить.

Очень.

Но я промолчала.

Потому что впервые за время в этом мире Яромира не просто давила. Она объясняла. Жестоко, но объясняла.

— Зачем вы меня позвали?

— Посмотреть.

— На что?

— Что осталось от Милены Черноречской.

В груди неприятно сжалось.

Яромира встала. Двигалась она медленно, но не по старости. По праву. Прошла вокруг меня, остановилась сбоку. Взяла мою руку. Пальцы у неё были сухие и холодные.

Она осмотрела брачные узоры.

— Рука не дрожит.

— Дрожит. Я просто стараюсь, чтобы вы не заметили.

— Заметила.

Она отпустила меня.

— Раньше ты вздрагивала, когда слышала шаги у двери.

— Теперь я вздрагиваю внутри.

— Раньше ты просила отправить тебя домой.

— И что вы отвечали?

— Что дома у женщины нет, пока её род не решит иначе.

Я не знала, что больнее: мои собственные воспоминания, которых не было, или чужая жизнь Милены, которую мне выдавали кусками, как доказательства в деле.

— Она правда так боялась? — спросила я тихо.

Яромира посмотрела резко.

— Она?

Ошибка.

Я поняла это сразу.

Не «я». «Она».

Всеслава тоже заметила. Конечно заметила.

Мне пришлось быстро исправляться.

— Я. До горячки.

Яромира молчала.

Слишком долго.

Потом сказала:

— Ты боялась не Ратибора.

Я не успела спрятать реакцию.

Святозар.

Имя не прозвучало, но тело отозвалось холодом в пальцах.

Яромира увидела и это.

— Значит, что-то осталось.

Она отвернулась и пошла к дальней стене.

Только теперь я заметила, что на стене висят тканые платы. Красные, белые, тёмно-синие. У каждого свой узор: птицы, вода, ветви, маленькие волки. Но между ними было четыре пустых места.

Не просто пустых.

На дереве остались светлые прямоугольники, где раньше что-то висело. Пыль обошла их стороной. Дом помнил даже то, что сняли.

Я смотрела на эти места и уже знала ответ, но всё равно спросила:

— Здесь висели их вещи?

Всеслава шагнула чуть ближе к Яромире, будто хотела предупредить.

Яромира не отвела взгляд от стены.

— В этом доме не любят пустоты. Их закрывают.

— Но эти не закрыли.

— Некоторые пустоты полезно видеть.

— Чтобы помнить?

Она повернулась ко мне.

— Чтобы не повторять.

Я подошла на шаг ближе. На первом пустом месте дерево было почти светлым. На втором — царапина у края. На третьем — тёмное пятно, едва заметное. На четвёртом — след от гвоздя, выдернутого слишком резко.

Добрава. Рогнеда. Лада. Огнеслава.

Я не произнесла имён. Но они встали между нами.

— Кто снял их платы?

— Я.

Ответ был быстрым.

— Почему?

— Потому что живым надо есть, спать, рожать детей и держать дом. Нельзя каждый день смотреть на мёртвых женщин и ждать своей очереди.

— Но вы всё равно оставили места.

Яромира посмотрела на меня внимательно.

— Чтобы умные видели. А глупые боялись.

— Кем вы считаете меня?

— Пока не решила.

Честно.

Почти освежающе.

Она вернулась к столу и села. Всеслава осталась стоять рядом, неподвижная, как закрытая дверь.

— Слушай, Милена Черноречская, — сказала Яромира. — Вчера ты опозорила себя в гриднице.

— Мне казалось, меня опозорили раньше, когда привели как вещь.

— Вещь молчит. Ты говорила. Значит, сама взяла позор в руки.

Интересная логика.

Чудовищная, но стройная.

— Сегодня ты вмешалась в здоровье княжны.

— Она могла умереть.

— В этом доме многие могут умереть.

— Это не причина стоять рядом.

— Это причина сначала понять, чья смерть потянет за собой город.

Я замолчала.

Вот главное отличие.

Я думала о человеке.

Они — о последствиях.

И самое страшное: в их мире последствия действительно могли быть страшнее одной смерти.

Яромира сложила руки на столе.

— Ты не будешь больше подходить к Ясне без позволения.

Я сжала пальцы.

— Если ей снова станет плохо?

— Позовёшь Ждана.

— Ждан дал ей настой.

— Позовёшь Ждана, — повторила Яромира. — И Ратибора. А сама будешь стоять там, где положено пятой жене.

— Где же?

— В стороне.

Я усмехнулась. Не весело.

— Удобное место. Всегда можно сказать, что тебя там не было.

Глаза Яромиры стали холодными.

— Ты думаешь, смелость в том, чтобы бросаться к огню?

— Иногда да.

— Нет. Иногда это просто глупость человека, который не знает, сколько домов сгорит от одной искры.

Она наклонилась чуть вперёд.

— Ты задаёшь вопросы. Это опасно. Ты смотришь по углам. Это ещё опаснее. Ты произносишь почти забытые имена. Это может убить не только тебя.

— Значит, вы знаете, что я нашла.

Всеслава едва заметно напряглась.

Яромира посмотрела на неё. Потом снова на меня.

— Я знаю, что дальний терем плохо хранит покой.

— Покой или тайны?

— Для женщины в княжьем доме это часто одно и то же.

Я вспомнила бересту, спрятанную у печи.

«Пятая, не верь тишине».

— Я не хочу быть следующей пустотой на вашей стене.

Впервые Яромира не ответила сразу.

Её лицо осталось строгим, но в глазах появилось что-то странное. Не жалость. Не сочувствие. Скорее усталое узнавание.

— Никто из них не хотел.

Слова прозвучали тихо.

Почти слишком тихо для такой женщины.

Я сделала шаг ближе.

— Тогда почему они стали?

Всеслава резко сказала:

— Княгиня.

Яромира подняла руку, останавливая её.

Потом посмотрела на меня так, будто решала, сколько правды можно дать человеку, который ещё не знает цены правды.

— Потому что каждая думала, что её страх особенный. Что с ней будет иначе. Что она сумеет уговорить, полюбить, убежать, родить, вымолить или перехитрить.

— А надо было?

— Надо было понять: Волчий дом не любит тех, кто приходит в него с надеждой.

За окном крикнула птица. Резко, хрипло.

Яромира встала.

Разговор был закончен.

— Правила ты узнаешь сегодня.

— Какие?

— Все.

Всеслава шагнула вперёд и начала перечислять.

Не выходить без сопровождения. Не принимать пищу от чужих рук. Не говорить с дружиной. Не спрашивать о прежних жёнах. Не приближаться к княжне. Не писать в Черноречье. Не отвечать послам без Яромиры. Не входить в гридницу без зова. Не ходить в баню без старших женщин. Не оставаться одной с лекарем. Не подходить к капищу. Не молиться в малой церкви без ведома.

Список был длинный.

Слишком длинный для правил.

Слишком похожий на карту тюрьмы.

Я слушала молча. Чем больше она говорила, тем яснее становилось: каждое «нельзя» указывало на место, где когда-то что-то случилось.

Гридница.

Баня.

Церковь.

Капище.

Лекарь.

Послы.

Дружина.

Прежние жёны оставили следы не только в дальнем тереме. Они были вшиты в сам порядок дома.

— Запомнила? — спросила Яромира.

— Нет.

Всеслава нахмурилась.

Я добавила:

— Но постараюсь не умереть до повторения.

Яромира смотрела на меня долго.

Потом неожиданно сказала:

— Ратибор думает, что тебя надо стеречь от других. Я думаю, что других надо стеречь от тебя.

— Это похоже на похвалу.

— Это предупреждение.

Она подошла ко мне почти вплотную. Теперь я видела мелкие морщины у её глаз, сухую кожу, тяжёлые перстни. Женщина, которая пережила слишком много зим и слишком много похорон.

— Пятая жена должна быть умнее первых четырёх, — сказала она тихо. — Или хотя бы тише.

Я выдержала её взгляд.

— А если она будет громче?

В лице Яромиры ничего не изменилось.

Но голос стал ниже.

— Тогда мы узнаем, сколько крови ещё помнит этот дом.

Меня вывели обратно через женскую горницу. На этот раз женщины уже не делали вид, что заняты работой. Они смотрели открыто.

Кто-то с жалостью.

Кто-то с неприязнью.

Кто-то со страхом.

Я шла между ними и чувствовала: после этого разговора моя клетка стала меньше. Но стены её стали видимыми.

А видимую стену когда-нибудь можно найти, где сломать.

У порога Малуша бросилась ко мне.

— Вы живы?

Я посмотрела на неё.

— Пока.

Она закрыла глаза от облегчения.

А я вдруг поняла, что это слово стало нашим общим приветствием.

В этом доме никто не спрашивал: «Как ты?»

Здесь спрашивали только одно:

жива ли ты ещё.

Глава 8 Настой для княжны

После разговора с Яромирой я поняла две вещи.

Первая: в этом доме правила не защищали людей. Они защищали тишину.

Вторая: если Ясне снова дадут тот настой, ребёнок может не проснуться.

И с этим я уже не могла просто сидеть в дальнем тереме и ждать, пока кто-нибудь решит, жива я сегодня или нет.

Малуша принесла мне ужин ближе к вечеру. На деревянном подносе стояла миска с кашей, кусок хлеба, солёный огурец и кружка с тёплым питьём. Я сразу взяла кружку.

— Кто наливал?

Малуша устало вздохнула.

— Я.

— Откуда брала?

— Из общего кувшина на кухне.

— Кто заваривал?

Она села на край лавки и посмотрела на меня с тоской.

— Госпожа, я теперь перед каждой чашей должна родословную трав спрашивать?

— Желательно.

— На кухне меня за это Дуня половником огреет.

— Тогда начни с малого. Спроси, кто готовил настой для Ясны.

Малуша замерла.

— Вы же слышали княгиню Яромиру. Вам нельзя приближаться к княжне.

— Я и не приближаюсь. Я приближаюсь к настою.

— Это почти хуже.

— Зато настой не может приказать бросить меня в снег.

— Вы не знаете наши настои.

Я посмотрела на неё.

Малуша опустила глаза, но всё же тихо сказала:

— Дуня принесла. Так княжна говорила.

— Дуня готовит?

— Дуня на кухне всем ведает. Но травы берёт не сама. Их Ждан Лекарь держит. Иногда Всеслава ключ даёт. Иногда травницы приносят.

— То есть настой мог пройти через четыре пары рук.

— Через больше, — мрачно сказала Малуша. — У нас в тереме у чаши длинная дорога.

Я запомнила фразу.

У чаши длинная дорога.

В моём мире это называлось цепочкой доступа. Кто мог взять препарат. Кто мог подменить дозу. Кто видел. Кто подписал. Кто сделал вид, что не видел.

Здесь не было журналов, камер, анализов и лаборатории.

Но были люди.

А люди в любом веке ошибались одинаково: говорили лишнее, боялись не вовремя, прятали глаза.

— Мне нужно на кухню, — сказала я.

Малуша вскочила.

— Нет.

— Да.

— Вам нельзя.

— Мне многое нельзя. Я уже привыкла.

— Не привыкли. Вы каждый раз делаете вид, что привыкли, а потом говорите то, после чего у меня сердце падает.

— Значит, пойдёшь со мной и будешь ловить сердце.

Она смотрела на меня почти с отчаянием. Потом вдруг сказала:

— Вас не выпустят.

Я подошла к двери и постучала.

Снаружи отозвался караульный:

— Чего?

— Княгине нужна горячая вода.

— Зови девку.

— Девке нужна помощь. Княгиня после горячки. Питьё остыло.

За дверью помолчали.

— Сейчас скажу.

Малуша смотрела на меня круглыми глазами.

— Вы врёте княжьей страже.

— Я прошу горячую воду. Это не ложь.

— Вы хотите выйти.

— А это уже надежда.

Ждать пришлось недолго. Вместо караульного дверь открыл молодой дружинник, которого я видела вчера в гриднице. Светловолосый, с лёгкой улыбкой и слишком внимательными глазами. На вид — почти беззаботный. Но в этом доме беззаботные долго не жили.

— Княгине горячей воды? — спросил он.

— И пройти к кухне.

— Вода сама дорогу сюда найдёт.

— А я хочу увидеть, откуда она идёт.

Он улыбнулся шире.

— Опасное желание. У нас в Стужине вода часто идёт мимо тех мест, куда лучше не смотреть.

Малуша тихо пискнула:

— Любомир…

Значит, это он.

Любомир Быстрый. Молодой дружинник. Тот самый, который умел улыбаться так, будто уже знает конец разговора.

— Князь велел держать меня под замком? — спросила я.

— Князь велел, чтобы вы не умерли.

— Тогда горячая вода и еда входят в приказ.

— Хитро.

— Практично.

Он склонил голову, будто оценивал ход в игре.

— До кухни провожу. Только недолго. И без разговоров с лишними людьми.

— Кто здесь лишний?

Любомир усмехнулся.

— Обычно тот, кто ещё жив.

Малуша схватила меня за рукав, но я уже вышла.

Коридоры главного двора вечером были другими. Днём они казались тесными, полными глаз и запретов. Теперь — тёмными, пахнущими дымом, капустой, мокрой шерстью и усталостью. Где-то плакал ребёнок. Где-то женщина ругалась шёпотом. За стеной смеялись мужчины. Дом жил так, будто ничего страшного в нём не происходило.

Именно это пугало больше всего.

Кухня оказалась большой, жаркой и шумной. После холодного дальнего терема я на миг почти ослепла от огня. В печах пылали поленья. На крюках висели котлы. Женщины месили тесто, резали репу, носили воду. Пар стоял такой плотный, что лица казались размытыми.

— Дуня! — позвала Малуша.

Из-за стола выглянула широкая женщина с красными руками и быстрыми глазами.

— Чего тебе?

Потом увидела меня.

И сразу перестала быть просто кухонной работницей.

Поклонилась неловко, но достаточно глубоко.

— Княгиня.

— Мне нужна вода, — сказала я. — И ответ.

Дуня метнула взгляд на Любомира.

Тот прислонился к косяку и сделал вид, что ему скучно.

— Какой ответ?

— Кто готовил утренний настой для княжны Ясны?

На кухне стало тише.

Не полностью. Ножи продолжали стучать. Котлы — булькать. Но люди начали слушать.

Дуня вытерла руки о передник.

— Я принесла, как велено было.

— Кем?

— Жданом Лекарем.

— Он сам дал эту смесь?

— Его мальчишка принёс.

— Какой мальчишка?

— Устин. При лекаре бегает.

— Ты заваривала?

— Я.

— Одна?

— А кто ж ещё? У меня рук своих хватает.

— В мешочке была только одна смесь?

Дуня нахмурилась.

— Княгиня, я грамоте не учена, травы по именам не зову. Что дали, то и заварила.

— Покажи, где заваривала.

Любомир тихо сказал:

— Княгиня, вы обещали недолго.

— Я не обещала.

— Тогда я ошибся.

— Бывает.

Дуня отвела меня к дальнему столу, где стояли кувшины, пучки трав, деревянные чашки. Я наклонилась. Запахи смешивались, но горький корень я уже знала. Он был здесь. Слабый, едва заметный.

— Остатки есть?

Дуня колебалась.

— Может, в котелке на дне.

— Покажи.

Она достала маленький глиняный сосуд. На стенках прилипли тёмные частицы. Я провела пальцем по краю, понюхала.

Да.

Тот самый запах.

— Это обычная сонная смесь? — спросила я.

Дуня пожала плечами.

— Княжне и раньше давали. Только слабее.

Я резко посмотрела на неё.

— Раньше?

— Ну… когда плохо спала.

— Кто велел?

— То Ждан, то Всеслава. Иногда княгиня Яромира. У ребёнка сны дурные, весь терем знает.

Я осторожно растёрла тёмную крупинку между пальцами.

Сухая. Волокнистая. Корень.

— Этот запах был всегда?

Дуня замялась.

Вот оно.

— Не всегда, — сказала она наконец. — Сегодня горче вышло. Я ещё подумала: переборщил Устин. Да кто меня слушать будет?

— Ты говорила кому-нибудь?

— С ума сошла? Лекарю говорить, что он трав не знает? Он меня потом от каждой котомки отгонит. А мне кормить людей надо.

Сзади послышался голос:

— Княгиня.

Ждан Лекарь стоял у входа на кухню.

Вид у него был такой, будто он застал меня не за котелком, а над телом с ножом.

— Княжья жена теперь по кухне травы нюхает?

Дуня сразу отступила. Женщины у печей опустили глаза. Любомир перестал улыбаться, но всё ещё не вмешивался.

Я вытерла пальцы о чистый край ткани.

— Хотела понять, что пила Ясна.

— Князь велел мне этим заняться.

— А ребёнку стало плохо после вашего настоя.

Он подошёл ближе.

— Ты повторяешь это слишком громко.

— Потому что никто не слышит, когда тихо.

Ждан покраснел.

— Ты была в забытьи три дня, княгиня. Не знаешь своего дома, не помнишь людей, путаешь слова. А теперь лезешь в лекарское дело.

— Именно потому, что путаю слова, я смотрю на следы.

— Какие следы?

Я показала на сосуд.

— Смесь сегодня была крепче. Дуня это заметила. Ясна почувствовала. И только вы называете это слабой кровью.

Дуня побледнела.

— Госпожа…

Ждан резко повернулся к ней:

— Ты это сказала?

Дуня сжалась.

— Я только…

— Она сказала правду, — перебила я.

Ждан посмотрел на меня почти с ненавистью.

— Правда? Твою правду в этом доме ещё проверить надо. Может, это ты подменила смесь. Пришла, вынюхала, нашла удобные слова. Кто знает, что черноречская жена принесла в рукавах?

Любомир наконец оттолкнулся от косяка.

— Полегче, лекарь.

Ждан не сразу, но замолчал.

— Князь узнает, — сказал он мне тихо. — Что его жена ходит по кухне и мутит людей.

— Пусть узнает.

— Смелость после горячки?

— Нет. Привычка не молчать, когда ребёнок чуть не умер.

— Осторожнее с такими словами. В этом доме от них пахнет колдовством.

Он развернулся и вышел.

Только после этого кухня снова задышала. Кто-то тихо охнул. Кто-то принялся слишком громко стучать ножом. Дуня смотрела на меня с ужасом.

— Зря вы меня впутали, госпожа.

— Ты ничего не сделала плохого.

Она усмехнулась коротко и горько.

— У нас за это не всегда наказывают.

Любомир подошёл ближе.

— Всё? Или ещё решите обыскать лекарскую сумку?

— Есть такая мысль.

— Не сегодня.

— Почему?

Он наклонился ко мне и сказал почти весело, но глаза у него были серьёзные:

— У нас вопросы живут недолго, княгиня. Особенно те, что ходят без охраны.

— Это предупреждение?

— Добрый совет.

— В этом доме все советы звучат как угроза.

— Потому что добрые люди у нас редко доживают до старости.

Он взял со стола кувшин с горячей водой и протянул Малуше.

— Вы хотели воду. Вода есть. Теперь обратно.

Я поняла: спорить бесполезно. Пока.

Мы вышли из кухни. В коридоре было прохладнее, и я вдруг почувствовала, как сильно устала. Колени дрожали. Пальцы всё ещё пахли горьким корнем.

Малуша несла кувшин, будто в нём была не вода, а моя последняя надежда.

На полпути нас догнала Дуня.

Она шла быстро, но остановилась на расстоянии, положенном между кухонной женщиной и княжьей женой.

— Госпожа.

Любомир обернулся.

— Дуня.

— Я на миг.

Он внимательно посмотрел на неё, потом сделал вид, что поправляет ремень у ножа. То есть дал миг.

Дуня подошла ближе и заговорила так тихо, что я едва услышала:

— Такой горький корень… его не только княжне давали.

Я замерла.

— Кому?

Дуня сглотнула.
— Первой княгине. Добраве Светлой. После родов. Всё говорили — для сил.
У меня похолодели руки.
Добрава.
Первая жена.
Мать Ясны.
— Кто велел? — спросила я.
Дуня быстро оглянулась.
— Тогда я молодой была. Не всё помню.
— Дуня.
Она посмотрела мне прямо в глаза. В её лице было не желание сплетничать. Страх.
— Ждан носил. А ключи от трав держала не кухня.
Она отступила.
— Больше я ничего не говорила.
И ушла, будто её и не было.
Любомир медленно повернулся ко мне.
— Вот теперь, княгиня, вам точно пора обратно.
— Почему?
Он больше не улыбался.
— Потому что вы только что наступили не на вопрос.
Пауза.
— На могилу.

Глава 9 Малая церковь

После слов Дуни я почти не спала.

Горький корень.

Добраве давали такой же — «для сил».

Я лежала на лавке в дальнем тереме, смотрела в темноту и слушала, как за стеной меняется караул. Доски скрипели от холода. Печь дышала красным углём. Малуша спала у двери, но беспокойно: вздрагивала, что-то шептала, пару раз просыпалась и сразу смотрела на меня, будто проверяла, не исчезла ли я.

А я думала о мёртвой женщине, которую никогда не видела.

Добрава Светлая.

Первая жена Ратибора. Мать Ясны. Женщина, которую, если верить Дуни, не лечили, а медленно ослабляли.

И если тот же корень оказался в чаше Ясны, это было уже не случайностью.

Это была линия.

От матери к дочери.

От первой жены к ребёнку, которого она оставила.

Утром я попросила Малушу принести воды и чистую ткань. Девушка посмотрела на меня подозрительно.

— Вы опять что-то задумали.

— Я всегда что-то думаю.

— У нас это и пугает.

— Мне нужно в церковь.

Малуша замерла с кувшином в руках.

— Зачем?

— Помолиться за здоровье княжны Ясны.

Она смотрела на меня долго, потом нахмурилась.

— Вы ведь не молиться идёте.

— И молиться тоже, если потребуется.

— Госпожа…

— В церкви ведут записи?

Малуша опустила кувшин.

— Какие записи?

— Браки. Рождения. Смерти.

— Отец Климент пишет. Да только простым людям туда нос совать нельзя.

— Я не простой человек. Кажется, я княгиня.

— Когда вам удобно, вы княгиня. Когда неудобно — «я принадлежу себе».

— Учусь пользоваться обстоятельствами.

Малуша закрыла лицо руками.

— Боги старые и новые, за что мне это?

— За доброе сердце.

— За болтливый язык, скорее.

Но спорить дальше она не стала. Поправила на мне плат, выбрала не красное платье, а тёмно-синее, проще и тише. Завязала пояс, потом вдруг задержала руки на узле.

— В церкви осторожнее. Там другие правила.

— Ещё одни?

— Там не кричат, не спорят и не смотрят на книги без спроса.

— Жаль. У меня как раз был такой план.

— Я сейчас заплачу.

— Не надо. Заплаканная служанка привлечёт внимание.

Малуша посмотрела на меня почти с отчаянием.

— Вы иногда говорите страшные вещи так, будто шутите.

Я замолчала.

Потому что она была права.

Шутка была последней привычкой из моего мира, которая ещё помогала не сойти с ума. Но здесь даже она могла стать оружием против меня.

К церкви меня вывели после долгих переговоров. Караульные не хотели открывать без приказа. Малуша убеждала их, что молитва за княжну — дело святое. Один из них хмыкнул и сказал, что святее княжьего приказа ничего не знает.

В итоге появился Любомир.

Он возник в коридоре так легко, будто всегда стоял неподалёку и только ждал, когда пригодится.

— Княгиня снова собралась искать беду?

— Молиться.

— Тогда точно беду.

— Проводите?

— До малой церкви. Не дальше. И не пытайтесь исповедовать стены — они у нас говорят быстрее людей.

— Вы всегда так предупреждаете?

— Только тех, кто, по-моему, может дожить до предупреждения.

Он сказал это с улыбкой, но глаза были серьёзными.

Мы вышли во двор.

День был мутный, снежный. Стужин-град шумел за стенами детинца: где-то стучал топор, скрипели сани, лаяли собаки. Воздух пах дымом и морозом. У пристройки возле главного терема женщины развешивали вымороженное полотно. На крыльце гридницы двое дружинников спорили вполголоса, но замолчали, когда увидели меня.

В этом доме я уже стала слухом.

Слухом ходить было неудобно.

Малая церковь стояла у внутренней стены, невысокая, деревянная, с маленьким крестом над крышей. Рядом, чуть поодаль, чернело старое капище с волчьими знаками на столбах. Два мира смотрели друг на друга через снег и делали вид, что не воюют.

У входа в церковь пахло воском.

Это был первый запах за все дни, который хоть немного напомнил мой мир. Не больницу. Не морг. Но место, где люди приходят, когда не могут сделать больше ничего.

Внутри было тесно и сумрачно. Горели тонкие свечи. На стенах висели иконы — грубоватые, тёмные, с большими глазами. У окна стоял худой мужчина в простой рясе. Лицо у него было усталое, внимательное. Он держал в руках книгу и перо.

Рядом за низким столом сидел молодой писец с чернильными пальцами. При нашем появлении он так резко поднялся, что едва не опрокинул чернильницу.

— Княгиня Милена, — сказал священник.

Он не удивился. Это сразу насторожило.

Любомир остался у входа. Малуша встала возле стены, сложив руки.

— Отец Климент? — спросила я.

— Да.

Голос у него был мягкий, но осторожный. Человек, который много раз хотел сказать правду, но каждый раз выбирал выжить.

— Я пришла просить молитву за княжну Ясну.

— Княжне стало хуже?

— Сегодня нет. Вчера было достаточно.

Писец опустил глаза.

Отец Климент заметил это и тоже заметил, что я заметила.

— Мы помолимся, — сказал он. — Здоровье ребёнка — милость Божья.

— И человеческая осторожность.

— Иногда одно не мешает другому.

— Удобная мысль.

Малуша за моей спиной тихо кашлянула. То ли от страха, то ли чтобы я вспомнила: в церкви не спорят.

Я посмотрела на стол.

Книги лежали там. Настоящие. Тяжёлые, с тёмными кожаными обложками, с закладками из ткани. Не только молитвы. Записи. Я почти физически почувствовала их притяжение.

Там могли быть даты.

Имена.

Несовпадения.

Правда, которую проще спрятать в книге, потому что большинство не умеет читать.

— Вы ведёте записи о княжьем доме? — спросила я.

Климент чуть опустил подбородок.

— Веду то, что мне велят вести.

— Странный ответ.

— В Стужине хорошие ответы редко бывают прямыми.

Писец нервно переступил с ноги на ногу.

— Как вас зовут? — спросила я его.

Он вздрогнул.

— Остромир, княгиня.

— Вы тоже пишете?

— Иногда. Под руку отцу Клименту. Черновики. Копии. Что велят.

Снова это слово.

Велят.

В этом доме оно заменяло совесть слишком многим.

Я подошла ближе к столу. Климент не остановил меня, но его рука легла на верхнюю книгу.

— Вы хотели молитву.

— Я хочу понять, за кого ещё здесь молились.

— За многих.

— За прежних жён князя?

Тишина.

Даже свеча у окна треснула громче обычного.

Любомир у двери перестал делать вид, что ему скучно.

Отец Климент смотрел на меня без осуждения. Скорее с усталой печалью.

— Княгиня, не всякая память приносит покой.

— Я не ищу покоя.

— Заметно.

— Мне нужны имена.

— Имена вы знаете.

— Мне нужны даты.

Остромир побледнел.

Вот и ответ.

Я повернулась к нему.

— Что не так с датами?

— Ничего, княгиня.

Слишком быстро.

Климент тихо сказал:

— Остромир.

Писец закрыл рот.

Я сделала ещё шаг к столу. На книге под рукой Климента виднелся край страницы. Там были строки, неровные, но читаемые. Я не понимала все буквы сразу, но память Милены помогала. Будто тело знало грамоту лучше, чем я ожидала.

Одно имя выделилось само.

Огнеслава.

Сердце ударило в рёбра.

Я не потянулась к книге. Просто смотрела.

Климент понял, куда упал мой взгляд. Рука его напряглась.

Поздно.

Строка о смерти Огнеславы была темнее остальных. Чернила плотнее. Буквы чуть крупнее. И почерк другой.

Не весь текст.

Только одна строка.

Я видела такое в современных документах. Исправленная дата. Вписанная фраза. Подделка, сделанная аккуратно, но не тем человеком.

— Кто это писал? — спросила я.

Климент закрыл книгу.

— Записи княжьего дома не для женских глаз.

— Зато женские смерти почему-то для мужской руки.

Малуша едва слышно выдохнула.

Любомир тихо сказал у двери:

— Княгиня…

Но я уже не могла остановиться.

— Строка о смерти Огнеславы написана другой рукой.

Остромир побелел окончательно.

Климент смотрел на меня долго. Потом очень медленно убрал ладонь с книги, но не открыл её снова.

— После горячки у вас слишком острые глаза.

— Это не горячка.

— Я знаю.

Слова прозвучали тихо.

Но я услышала.

И Любомир, кажется, тоже.

Я медленно подняла взгляд.

— Что вы знаете?

Климент посмотрел на Малушу, потом на Любомира, потом на Остромира.

— Что женщину, которая ищет правду в чужом доме, надо либо остановить сразу, либо помочь ей так, чтобы никто не увидел.

— И что выбираете вы?

Он не ответил.

Вместо этого подошёл к маленькому столу у стены, взял свечу и поставил её перед иконой.

— Помолимся за Ясну Ратиборовну.

— Отец Климент…

— Сейчас — помолимся.

Это был отказ.

И одновременно — отсрочка.

Я встала рядом. Не потому, что знала молитвы. Не знала. Но Малуша рядом опустила голову, и я сделала то же. Климент говорил тихо, ровно. Слова были чужими, но в них было что-то человеческое: просьба о жизни ребёнка. В этом я могла участвовать даже без веры.

Пока он молился, Остромир стоял у стола и смотрел на закрытую книгу так, будто она сейчас заговорит против него.

После молитвы Климент повернулся ко мне.

— Я провожу вас до выхода.

Любомир выпрямился, но священник поднял руку.

— До дверей, дружинник. Дальше ваша забота.

Он подошёл ко мне ближе, будто хотел благословить. Малуша опустила глаза. Любомир отвернулся на полшага — достаточно, чтобы слышать не всё.

Климент сказал едва слышно:

— Иногда человека хоронят раньше, чем он умер.

Я не шевельнулась.

— Огнеславу?

Он посмотрел прямо на меня.

— Я этого не говорил.

— Но написали?

В его глазах мелькнул страх.

Настоящий.

— Не я один.

За спиной тихо скрипнула половица. Остромир стоял возле стола, сжимая пальцы так, что чернила размазались по коже.

Климент отступил.

— Вам пора, княгиня.

Я поняла: сегодня больше не получу ничего.

Но получила достаточно.

У выхода я оглянулась на книги.

Где-то там лежала строка, переписанная другой рукой. Возможно, не одна. Возможно, все смерти прежних жён были записаны так, как было удобно живым.

На крыльце церкви холод ударил в лицо.

Любомир пошёл рядом, молча. Малуша семенила за нами и время от времени тревожно оглядывалась.

Когда мы отошли от церкви, Любомир наконец сказал:

— Вы понимаете, что теперь у вас стало больше врагов?

— У меня и до этого был недостаток друзей.

— Это не одно и то же.

— Знаю.

Я остановилась на миг и посмотрела назад.

Малая церковь стояла в снегу тихая, почти беззащитная. А рядом, за чёрными столбами старого капища, ветер шевелил красные ленты. Две веры. Два способа молчать о смерти.

— Любомир.

— Княгиня?
— Кто последним видел Огнеславу живой?
Он не ответил сразу.
Слишком долго не ответил.
Потом улыбнулся — легко, привычно, почти беззаботно.
— Вот видите, княгиня. Я же говорил.
— Что?
— У нас вопросы живут недолго.
Он пошёл дальше.
А я поняла: этот вопрос уже кто-то задавал до меня.
И, возможно, именно за него Огнеславу похоронили раньше, чем она умерла.

Глава 10 Баня Рогнеды

После малой церкви меня ждали не вопросы.

Меня ждала баня.

Малуша сообщила об этом так осторожно, будто говорила не о горячей воде и берёзовых вениках, а о новом способе казни.

— Княгиня Яромира велела, — сказала она, раскладывая на лавке чистую рубаху. — После горячки надо смыть болезнь. И чужой глаз. И дурное слово.

— А если дурное слово внутри?

— Тогда лучше молчать, пока не выпарится.

Я посмотрела на неё.

Малуша вздохнула.

— Я стараюсь говорить как Всеслава. У неё все сразу слушаются.

— У Всеславы ключи. Это помогает.

Девушка чуть улыбнулась, но тут же стала серьёзной.

— В бане будьте осторожны.

Я уже начинала ненавидеть эту фразу.

— Там тоже нельзя говорить?

— Там как раз говорят больше всего. Оттого и опасно.

Баня стояла за женским теремом, ближе к задней стене детинца. Низкая, тёмная, с покатой крышей, из-под которой валил белый пар. Снег вокруг входа растаял и снова схватился ледяной коркой. Воздух пах дымом, мокрым деревом и берёзовыми листьями.

У двери ждали две женщины. Одну я не знала: молодая, красивая, с острым взглядом и так ровно сложенными губами, что сразу стало ясно — добрых слов от неё ждать не стоит. Другая была Варка.

Та самая старуха, которая встретила меня словами: «Дышит. Жаль».

Только здесь она выглядела иначе. В горнице она казалась ворчливой старой бабкой. У бани — хозяйкой порога между живым и мёртвым. Руки красные, жилистые. На поясе — связки трав, ножик, деревянный ковш. Глаза тёмные, цепкие.

— Привели, — сказала она. — Не развалилась по дороге?

— Пока нет.

Варка хмыкнула.

— Слово у тебя всё такое же дурное. Значит, жар из головы не вышел.

Малуша испуганно дёрнула меня за рукав, но я не ответила.

Красивая женщина рядом оглядела меня с головы до ног.

— Черноречская княгиня решила нас почтить? Или князь приказал отмыть перед новым позором?

— Горислава, — тихо сказала Малуша.

Так вот она какая.

Женщина, которой княжий плат, возможно, снился годами. И которую теперь раздражало, что плат достался мне — чужой, больной и явно неудобной.

— Если позор смывается водой, — сказала я, — в вашем доме должны топить баню каждый день.

Горислава вскинула брови.

Малуша сделала лицо человека, который только что мысленно лёг в гроб.

Варка коротко фыркнула.

— Внутрь. Обе. Пока языками дверь не протёрли.

В бане было жарко.

Пар ударил сразу — в лицо, в грудь, под плат. После холода Стужина тело сначала обрадовалось, потом испугалось. Воздух был густой, влажный. На полках лежали веники. У стены стояли деревянные кадки. В углу темнела печь-каменка. Вода шипела, когда Варка плеснула ковшом на горячие камни.

Я закашлялась.

— Дыши носом, — буркнула Варка. — Не как рыба на песке.

— Спасибо за заботу.

— Я не забочусь. Мне велели вернуть тебя живой. Мёртвую мыть дольше.

Горислава усмехнулась.

Малуша быстро помогла мне снять верхнюю одежду. Я невольно напряглась. В моём мире раздевание было бытовым действием. Здесь — почти политическим. Каждая складка, каждый синяк, каждый след на теле могли стать слухом.

И следы были.

На плечах — желтоватые пятна старых ушибов. На запястьях — тёмные полосы, будто руки когда-то связывали или слишком крепко держали. На боку — тонкий шрам. Не свежий. Но тело Милены помнило боль: когда пальцы Малуши случайно коснулись его, мышцы сами сжались.

Горислава заметила.

— Черноречские не берегли свою невесту.

— А здесь берегут? — спросила я.

Она замолчала.

Варка подошла ближе и без всякого смущения повернула мою руку ладонью вверх. Осмотрела запястье. Потом плечо. Потом следы у ключицы.

— Худое тело, — сказала она. — Но цепкое. Я думала, ты ещё в первую ночь уйдёшь.

— Куда?

Варка посмотрела на меня.

— Туда, откуда не спорят.

Я выдержала её взгляд.

— Не получилось.

— Вижу.

Она отвернулась, взяла веник, опустила в горячую воду. Но я заметила: после осмотра она стала смотреть на меня иначе. Не мягче. Просто внимательнее.

Как специалист на специалиста.

Человек, который всю жизнь видел женские тела, синяки, роды, кровь, смерть, не мог не понять: я смотрю так же. Не с любопытством. Не со стыдом. А как на следы.

Варка это увидела.

— Садись.

Я села на низкую лавку. Жар обволакивал кожу. Малуша осторожно поливала мне плечи тёплой водой. Первый ковш был почти приятным. Второй смыл остатки сна, дыма, страха. На третий я закрыла глаза.

На несколько секунд мне показалось, что можно просто быть телом. Не пятой женой. Не подозреваемой. Не чужой душой. Просто живой женщиной под горячей водой.

Потом Горислава сказала:

— Четвёртую тоже здесь парили перед тем, как в дальний терем отвели.

Малуша застыла.

Варка резко повернулась:

— Язык придержи.

— А что? — Горислава пожала плечом. — Пусть знает, где моется.

Я открыла глаза.

— А вторую?

В бане стало тихо.

Даже вода в кадке будто перестала колыхаться.

Горислава нахмурилась.

— Что вторую?

— Рогнеду. Её тоже здесь парили?

Малуша едва слышно прошептала:

— Госпожа…

Варка медленно опустила веник.

Горислава смотрела на меня уже не с насмешкой. С опаской.

— Ты быстро учишь имена, Черноречская.

— Имена легче запоминать, когда их запрещают.

— Не всякое имя стоит того, чтобы его носить во рту.

— Почему? Оно кусается?

Горислава резко встала.

— Ты думаешь, раз князь велел тебя не убить до утра, то тебя теперь нельзя тронуть?

— Я думаю, если вы хотели меня напугать, надо было начать до дальнего терема. Теперь планка высокая.

Варка вдруг хлопнула мокрым веником по лавке.

— Хватит.

Горислава сжала губы, но замолчала.

Варка подошла к двери в парную, приоткрыла её и крикнула наружу:

— Малуша, неси чистую рубаху из предбанника. А ты, боярыня, иди погляди, не остыла ли вода в кадке. Нечего тут воздух словами портить.

— Я не служанка.

— А я не князь, чтобы меня боялись. Но веником по заду дам так, что сядешь только к вечерне.

Горислава вспыхнула. На миг мне показалось, что она ответит. Но Варку, похоже, в бане боялись по-своему. Или уважали. Или знали: она действительно ударит.

Горислава вышла, подняв подбородок.

Малуша метнулась следом за рубахой.

Мы остались с Варкой вдвоём.

Пар шёл густой, белый. За стеной плескалась вода. Снаружи глухо шумел двор, но здесь всё стало близким, влажным и опасным.

— Зачем спрашиваешь о Рогнеде? — сказала Варка.

— Хочу знать, что с ней случилось.

— Утонула.

— В бане?

Она не ответила.

— В реке?

Молчание.

— Сама?

Варка медленно повернула ко мне голову.

— Ты не похожа на дурочку, хоть и говоришь много. Так зачем спрашиваешь, коли сама не веришь?

Я наклонилась ближе.

— Потому что мне нужны не слухи. Мне нужны детали.

— Детали мёртвых женщин живым горло режут.

— Иногда наоборот. Спасают.

Варка долго смотрела на меня. Потом подошла к старой внутренней двери у дальней стены. Я раньше не обратила на неё внимания. Она была ниже основной, потемневшая, с железной накладкой и старым засовом.

— Видишь?

Я поднялась и подошла.

На дереве, чуть ниже уровня груди, были следы.

Тонкие, неровные, глубокие. Будто кто-то царапал дверь изнутри. Много раз. До крови, наверное.

Я провела пальцем рядом, не касаясь.

Ногти.

Опять ногти.

Сундук в дальнем тереме. Теперь дверь в бане.

— Это она?

— Не знаю, — сказала Варка.

— Знаешь.

— Знать — значит потом не спать.

— Вы и так не спите.

Она усмехнулась без веселья.

— Верно.

Я посмотрела на следы.

— Если человек тонет в реке, он не царапает банную дверь.

— Может, перед смертью билась в горячке.

— Может. Если была заперта.

Варка резко посмотрела на меня.

— Тише.

— Кто её запер?

— Я сказала — тише.

Теперь в её голосе был страх. Не за себя даже. За сам воздух, который мог услышать.

Я отступила на шаг.

— Рогнеда была беременна?

Варка побледнела.

Вот и ответ.

Она ничего не сказала. Но тело ответило раньше слов.

Я почувствовала, как у меня по спине потёк холодный пот, несмотря на жар.

Вторая жена князя. Официально утонула. Гордая, буйная, неудобная. Возможно, беременная.

Наследник.

Теперь линия становилась ещё яснее.

Добраву ослабляли после родов. Ясну травили настоем. Рогнеду убрали, когда она могла носить ребёнка.

— Кто знал? — спросила я.

Варка подошла ко мне так быстро, что я невольно отступила к двери.

— Послушай меня, пятая. Не всякую правду надо вытаскивать голыми руками. Иногда она с зубами.

— Я уже внутри этой правды.

— Нет. Ты пока по краю ходишь и думаешь, что это дорога.

Она вытерла руки о передник, потом сунула пальцы в щель между старой лавкой и стеной. Достала маленький тряпичный узелок. Развернула.

На её ладони лежал костяной зубец от гребня.

Сломанный. Потемневший у основания.

Я сразу вспомнила гребень Огнеславы под половицей. Только этот был другой. Грубее, с резным водным узором — волны, маленькие рыбьи хвосты.

— Где вы это взяли?

— Нашла после той ночи.

— Какой?

Варка сжала зубец в ладони.

— Когда Рогнеду уже считали утонувшей.

— Но она была здесь.

— Я этого не говорила.

— Варка.

Она посмотрела на дверь, за которой слышались шаги Малуши и голос Гориславы.

Времени почти не осталось.

Варка сунула зубец мне в руку и крепко сжала мои пальцы.

— Она за дверь цеплялась, когда её уже считали утонувшей.

Я не дышала.

— Кто был снаружи?

Варка отпустила мою руку.

— Этого я не видела.

— Но слышали?

Она отвернулась.

— Я слышала, как княгиня Рогнеда сказала одно слово.

— Какое?

Дверь в предбанник скрипнула.

Малуша вошла с чистой рубахой. За ней — Горислава, раздражённая и раскрасневшаяся от жара.

Варка резко взяла веник и снова стала обычной банщицей.

— Хватит стоять. Сядь, княгиня. Болезнь выпаривать пришли, не столбы подпирать.

Я сжала зубец гребня в кулаке так крепко, что он впился в кожу.

Горислава посмотрела на мою руку.

— Что у вас там?

Я спокойно опустилась на лавку и спрятала кулак под край ткани.

— Горячо.

— Что?

— В бане, боярыня. Горячо.

Она прищурилась, но спорить не стала.

Варка плеснула воду на камни. Пар взлетел густой стеной, закрыл нас всех — меня, Малушу, Гориславу, старую дверь с царапинами и след, который Рогнеда оставила перед смертью.

Но я уже знала: вторая жена не просто утонула.

Она просила выйти.

Она боролась.

И перед смертью успела назвать кого-то.

Или что-то.

Когда меня одели и вывели из бани, снег показался почти ласковым после жара. У ворот стояли двое дружинников. Один смеялся. Другой лениво чистил нож.

Малуша шла рядом и всё время поглядывала на меня.

— Госпожа, вы очень тихая.

— Думаю.

— Вот этого я и боюсь.

Я посмотрела на свою ладонь.

На коже осталась красная вмятина от костяного зубца. Сам зубец я спрятала в рукав.

Маленькая вещь.

Почти мусор.

Но мёртвые часто говорили именно так: не криком, а тем, что кто-то не успел выбросить.

— Малуша.

— Да?

— Узнай, кто был у бани в ночь смерти Рогнеды.

Она остановилась.

— Госпожа…

— Тихо. Не сейчас. Не прямо. Просто слушай.

Девушка побледнела, но кивнула.

За стеной детинца снова завыли волки.

Я оглянулась на баню. Пар всё ещё поднимался из-под крыши, белый и густой, будто дом выдыхал чужую тайну.

И мне показалось, что изнутри старой двери снова скребутся ногти.

Глава 11 Черноречская кровь

Святозар Черноречский прибыл на закате.

Я узнала об этом не от стражи и не от Малуши. Узнала по тому, как изменился дом.

В женском тереме раньше тоже было неспокойно, но тревога там жила привычная: тихая, домашняя, как мышь за печью. Теперь тревога стала иной. Острой. Нарядной. Женщины доставали лучшие платы, служанки бегали быстрее, Всеслава проверяла сундуки и кладовые, а Малуша дважды уронила гребень, пока заплетала мне волосы.

— Послы, — сказала она наконец, хотя я ещё не спрашивала.

— Чьи?

— Черноречские.

Рука у неё дрогнула, и шпилька больно кольнула кожу у виска.

Я перехватила её пальцы.

— Малуша.

Она замерла.

— Кто приехал?

Девушка не сразу подняла глаза.

— Святозар Бориславич.

Имя прошло по телу Милены холодной волной.

Я знала этот страх уже не как догадку. Он был телесный. Мгновенный. Ладони стали влажными, дыхание сбилось, в животе сжалось так, будто кто-то там резко затянул узел.

Не моя память.

Но её ужас.

— Он родственник Милены?

Малуша кивнула.

— Двоюродный брат вроде. Или ближе. Я роды ваши плохо знаю.

— Она его боялась.

Это не был вопрос.

Малуша отвела взгляд.

— Когда он говорил, госпожа всегда молчала.

— Многие молчат, когда говорят мужчины.

— Нет, — тихо сказала она. — Не так.

Я посмотрела в мутную медную пластину. На меня смотрела Милена Черноречская — бледная, тонкая, с закрытыми волосами и чужими глазами. Вчера после бани я спрятала зубец гребня Рогнеды в щель за печью, рядом с берестой Огнеславы. Теперь казалось, что тайники множатся быстрее, чем ответы.

Добрава. Рогнеда. Огнеслава. Ясна. Горький корень. Переписанная строка. Святозар.

Каждый день приносил новое имя, и каждое имя было не человеком, а дверью в темноту.

— Меня поведут к ним? — спросила я.

— Княгиня Яромира сказала: вы должны выйти в гридницу. Черноречье должно видеть, что вы живы.

— Как мило. Родственники приехали удостовериться, что товар ещё не испорчен.

Малуша побледнела.

— Не говорите так при них.

— Почему?

— Потому что они сами так думают.

Я запомнила.

Гридница встретила меня знакомым запахом дыма, мяса и мужской власти. Только сегодня пир был не шумным, а натянутым. За

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.